

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

The poster depicts a man in futuristic, blue and purple armor, holding a cigar and a large, multi-barreled futuristic rifle. He stands on a beach next to a white, humanoid robot. In the background, a large planet is visible in the sky, and a woman is seen sitting on the sand. The scene is set in a lush, alien landscape with orange and green plants.

ГАРРИ ГАРРИСОН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГАРРИСОНА —
ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ МОНУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НФ.

ПОЛ ДИ ФИЛИППО, SCIFI.COM

АЗБУКА

Гарри Гаррисон

**Планета райского
блаженства (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

Гаррисон Г.

Планета райского блаженства (сборник) / Г. Гаррисон —
«Азбука-Аттикус»,

Чтобы при жизни стать классиком современной литературы, мало издаваться миллионными тиражами и переводиться на десятки языков. Для этого надо совершить нечто необыкновенное, необходимое и незабываемое. Гарри Гаррисону такое удавалось много раз – и теперь невозможно представить себе научную фантастику без галактического супергероя Билла, без Язона динАльта из бессмертного «Мира смерти», без нержавеющей и неунывающей Стальной Крысы – которая, между прочим, оставила характерные следы своих когтей и зубов в этом сборнике. Большинство рассказов, вошедших в него, на русском языке публикуется впервые.

Содержание

Часть первая	6
Возвращение Стальной Крысы	6
Часть вторая	16
Ad astra[1]	16
Нить судьбы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Гарри Гаррисон

Планета райского блаженства (сборник)

Harry Harrison
THE PLANET OF HEAVENLY JOY
Copyright © 2014 by Harry Harrison
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Д. Кальницкая, перевод, 2014
© Г. Корчагин, перевод, 2014
© Т. Максимова, перевод, 2014
© Е. Михайлик, перевод, 2014
© Д. Могилевцев, перевод, 2014
© А. Новиков, перевод, 2014
© К. Плешков, перевод, 2014
© О. Полей, перевод, 2014
© С. Удалин, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Возвращение Стальной Крысы

Перевод Геннадия Корчагина

– Ди Гриз, спасти нас можешь только ты! Умоляю, скажи, что сделаешь это!

Такие слова – для моих ушей сушая музыка. Я человек скромный... стараюсь быть скромным в меру своих сил, но дело это очень непростое. Ведь на каждом шагу приходится выслушивать, какой я великий. Мною по крайней мере дважды спасена Вселенная, и общественность об этом прекрасно знает. И считает – пожалуй, имея на то все основания, – меня всемогущим.

– Пожалуйста, выручай! Погибли уже четверо, теперь надежда только на тебя.

А эта новость низвергла меня с высот воодушевления в пучину отчаяния. Я рывкнул:

– Так вот для чего я вам понадобился! Чтобы стать трупом номер пять! Думаете, в гробу краше буду смотреться?

Вот так всегда. Нажил репутацию – изволь ей соответствовать, даже если в процессе придется врезать дуба. Я сорвался с кресла и принялся мерить шагами комнату, стараясь не обращать внимания на боязливо жмущуюся к стенке делегацию. Ну почему, спрашивается, понадобился именно я, Джеймс Боливар ди Гриз, Крыса из Нержавеющей Стали, отвергнутый обществом – и этим же обществом героизированный? Я же с молодых ногтей преступник, моя работа – не спасать публику, а обдирать как липку! Разве это честно!

– Нечестно! – вскричал я. – Мне положено грабить вас без пощады, а не услуги оказывать.

Они торопливо закивали:

– Грабь нас, Джим! Грабь на здоровье, не обидимся. Только сперва сделай то, о чем мы просим.

Я тяжело вздохнул. От судьбы не уйдешь.

– Пока я принимаю решение, может, кто-нибудь потрудится объяснить, из-за чего сырбор?

Стартовый свисток – это все, что им требовалось. Мигом в комнате появился и заработал голопроектор, передо мной стремительно развернулась голограмма искусственного спутника, заиграла нежная музыка, и заговорил сочный голос:

– Это орбитальная станция «Станиан-шесть», порт назначения для всех кораблей дальнего плавания, которые направляются в систему данной звезды.

Для наглядности в голограмму вплыл паукообразный звездолет и встал на прикол.

– Здесь он пройдет разгрузку, после чего доставленные на его борту товары будут развезены по всем тринадцати планетам системы. Процедура эффективна, быстра и совершенно безопасна.

Заиграли скрипки, акцентируя эффективность, быстроту и безопасность процедуры. Я было заклевал носом, но меня разбудили грянувшие духовые инструменты и литавры.

– И вдруг в один миг все изменилось! – набрал драматическую силу голос диктора. – Сначала вышел из-под контроля пассажирский шаттл...

В голографический кадр вплыл знакомый яйцевидный силуэт и направился к одному из стыковочных узлов станции. Шаттл полностью контролировался компьютером, авария была совершенно невозможна. И тут это невозможное случилось: вместо тормозных дюз, которые должны были обеспечить плавное сближение, врубилась кормовая и швырнула кораблик вперед. Все произошло в одно мгновение – как будто крашенное серебрянкой яйцо шмякнули о металлическую стенку! Вылетел и молниеносно обратился в снег бортовой воздух, закувырка-

лись изувеченные тела – в отличие от воздуха люди, на их беду, замерзали помедленней. Я глаз не мог отвести от ужасающей картины.

– Тридцать семь человек погибли в результате этой аварии, – с надрывом продолжал диктор, – которая, как выяснилось, аварией вовсе и не была. Когда механик попытался войти в отсек разладившегося навигационного компьютера, оказалось, что к двери подведен ток напряжением десять тысяч вольт.

Схлопнулось голографическое изображение спутника и сменилось механиком в натуральную величину, он приближался к двери, не подозревая о ловушке. Я отвернулся.

– Благодарю, но поджаренные покойники мне не в диковинку. Нельзя ли ввести вашего покорного слугу в суть дела побыстрее, без этого душещипательного видеоряда?

Проектор снова дал вид спутника снаружи, а голос безжалостно продолжал:

– Как выяснилось вскоре, навигационный компьютер был исправен. Его подчинил себе контрольный центр, точнее, компьютер галактического класса, модель «Марк-две тысячи пятисот». Он считался абсолютно надежным, случаи сбоя в его работе прежде ни разу не фиксировались...

– Все когда-нибудь случается в первый раз! – Мне пришлось кричать, чтобы быть услышанным в громовых раскатах дикторского голоса и соответствующем музыкальном сопровождении. – Кто-нибудь догадается прекратить этот проклятый фильм ужасов? Хватит, я сказал!

Музыка оборвалась на середине оглушительной барабанной дробы. Погасла голограмма, снова зажглись лампы. Повернувшись, я ткнул пальцем в съездившихся переговорщиков:

– А сейчас прямо к делу, и без этих ваших спецэффектов. Итак, у вас взбесился компьютер и уконтрапутил кучу народу. И этот ваш «Марк две тысячи пятисотый» в день контролирует сотни полетов, выполняет тысячи сложных операций и десятки тысяч менее сложных. Другими словами, он далеко не дурак. И если он на самом деле рехнулся, ему, естественно, не хочется никого к себе подпускать. Эти четверо, которые погибли, они пытались вырубить машинку?

Все просители разом мрачно кивнули. Я тоже кивнул.

– Так я и думал. Вы хотя бы эвакуировали со спутника людей?

Они замотали головами и помрачнели еще пуще.

– Да не подпускает он! «Марк две тысячи пятисотый». Задраил наглухо все люки, мы даже близко не можем подойти. На спутнике осталось взаперти больше трехсот пассажиров. Ди Гриз, вы должны спасти им жизнь, она в ваших руках!

– Как бы не так, она пока еще в ваших руках. Потому-то вы и заявились сюда, потому-то и трусите. Аж вспотели – и я догадываюсь, в чем причина. Вы представляете владельцев корпорации, я прав?

В ответ – неохотные кивки.

– А еще вы представляете компанию, которая застраховала этот спутник?

Новые кивки, на сей раз торопливые.

– То есть вас привели сюда интересы не только гуманитарного свойства, но и сугубо финансовые?

Головы опустились так низко, что уперлись подбородком в грудь, и комнату затопила волна меркантильного отчаяния. Я торжествующе улыбнулся и воздел над головой кулаки:

– Господа, не падайте духом. Джим ди Гриз уже спешит на выручку. Он вырубит сдуревший компьютер и вернет его пленникам свободу. – Дождавшись, когда утихнут аплодисменты и крики радости, я пошел в атаку: – Но ваш покорный слуга, как и вы сами, не только добрый самаритянин, он еще и бизнесмен. Цена моей работы вполне разумна и скромна, на самом деле эта сумма даже мизерна – каких-то два миллиона кредитов...

Теперь нужно отвернуться и зажечь сигару, и пусть мучительные стоны вволю поотражаются эхом от металлических стен. Ну вот, пора выдохнуть дорогостоящий дым и вздеть руку, требуя тишины.

– Стыдно, господа! – упрекнул я. – Эти деньги вернутся к вам за несколько дней работы станции. Но они могут и не вернуться, если родственники жертв решат подать в суд на тех, кто позволил компьютеру сойти с катушек и погубить столько ни в чем не повинных людей.

Короткая пауза – надо переждать вопли отчаяния.

– В этом случае придется выложить миллиарды. У вас ровно шестьдесят секунд. Порядок выплаты гонорара таков: миллион авансом, миллион – когда я принесу вам на блюде главный предохранитель вашего психа. Пятьдесят пять секунд.

– И как же вы собираетесь это сделать? – спросил кто-то.

– Вот расплатитесь, тогда и расскажу. Компьютер с барахлящими контурами – сущий пустяк для того, кто спасал Вселенную. Причем дважды спасал.

Это значит, что я не имел ни малейшего представления о том, как надо действовать. Но это уже моя профессиональная проблема. А проблема явившихся ко мне просителей – зашибать бешеные деньги. Которые я буду из них вытягивать.

– Тридцать одна секунда.

– Сущий грабеж, но мы согласны. У нас просто выбора нет.

Вот уж точно, выбора у них не было. Как только аванс лег на мой банковский счет, я выпроводил посетителей и углубился в технические отчеты. Дельце мне предстояло непростое, если не сказать безнадежное. Ерунда, справимся! Не бывает совершенно тупиковых ситуаций, особенно для Крысы из Нержавеющей Стали!

Однако и через три недели, проведенные на борту шаттла, который кружил по орбите душевнобольного спутника, я все еще не имел спасительного решения. Не было помощи и от капитана посудины.

– Ты будешь пятым, – зловеще каркал он. – Или изжаришься, или всмятку расшибешься. Впустить-то тебя наш шизик впустит, точно муху в тенета, а вот потом...

– Что будет потом, это уже моя забота. Обойдусь как-нибудь без твоих подбадриваний. Видишь, я полностью экипирован и жду только момента, когда эта древняя лохань окажется в рассчитанной мною точке орбиты.

– Самоубийца...

Это было последнее, что я услышал, прежде чем опустил лицевую пластину собственноручно усовершенствованного скафандра. Под усовершенствованием следует понимать, что я обрызгал изолирующей пеной все металлические детали. Очень уж вольно «Марк-2500» обращался с электрическим током, и я не хотел, чтобы меня закоротили, как двоих предшественников, даже не пустив на борт спутника-бунтовщика.

План проникновения был достаточно прост, но, сидя в одиночестве на коническом носу шаттла, я поддался сомнениям. Ведь успешное выполнение этой первой задачи целиком зависело от бортового компьютера. А я в то время вообще не был склонен доверять компьютерам как таковым.

Вдруг кораблик шевельнулся подо мной, а затем я ощутил его несильный нажим, – меня несло вперед. Это продолжалось несколько секунд, пока не дохнули газом находившиеся совсем рядом со мной тормозные дюзы. Шаттл сбросил скорость, я – нет. Вот он остался позади, а я продолжил движение по орбите, очень сильно надеясь, что она в точности совпадает с расчетной и инерция вынесет меня в нужную точку пространства как раз в ту секунду, когда там окажется «Станиан-6». И будет уж совсем славно, если я попаду аккурат в дверь аварийного люка. Ах, надежда...

И ведь получилось! Спутник все приближался, и вот уже он целиком закрывает собой небо. Я знал, что на нем не установлены пушки и ракеты, но он мог швырнуть в меня что-

нибудь тяжелое с помощью тормозных полей. Именно такой сюрприз поджидал одного из моих злосчастных предшественников. Но я приближался не с той стороны, где располагались тормозные узлы, а с противоположной. По крайней мере, я на это очень надеялся.

Тикали секунды, а я держал палец на кнопке своего тормозного двигателя. Команду на его включение должен был дать компьютер, но, как я уже говорил, в те дни у меня не было особого доверия к компьютерам. Все ближе и ближе, все больше и больше металлическая стена – вот-вот налечу на нее и расшибусь всмятку. Где же проклятый сигнал? Если у бортового электронного мозга сгорел предохранитель, мне точно крышка! С другой стороны, врубив тормоз преждевременно, я промахнусь и безвозвратно умчусь в пустоту...

– Тормози, – бесстрастно распорядился компьютер, и я не заставил себя упрашивать.

Кнопка утонула до упора, меня окутали облака газа. О черт, не видно же ничего! Но двигатель выключился, газ рассеялся, – а вот и бок спутника, совсем близко.

Я довольно сильно приложился к этому боку, и меня отшвырнуло назад – на счастье, успел схватиться за штырь антенны, а то витать бы мне вечно в межзвездном пространстве. Ну, теперь можно и перерывчик сделать, подождать, пока воздушная щетка уберет пот с моего лба и почти непроницаемую пелену с лицевой пластины шлема.

– Слышь, Джим, – задал я себе вопрос, силясь не замечать дрожи в голосе, – а не староват ли ты для таких курбетов? Не пора ли подумать об отставке, о тихой уютной планетке, об одном-двух ограблениях банков в год, и то исключительно в порядке борьбы со скукой? А самоубийственные космические авантюры лучше оставить молодым да резвым.

Однако, брюзжа, я уже всюду трудился. Пеняя на жизнь, неплохо в то же время делать что-нибудь полезное. Вот я подтянулся к антенне, оттолкнулся от нее ногой, описал аккуратную дугу – в конце этой траектории меня поджидал люк аварийного выхода. Какой-то чиновный дуралей додумался поместить на нем табличку: «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД». Мне-то подспорье, но что толку для того бедняги, которому вдруг понадобится выйти изнутри? Посреди люка обнаружился большой рычаг с надписью «На себя». Я потянул, дверь открылась и впустила меня в воздушный шлюз.

Отлично, задача проникновения на борт благополучно выполнена.

Но это кто другой мог бы так решить, только не Крыса из Нержавеющей Стали, которую так называли вовсе не за красивые глаза. Уж я-то наловчился проходить сквозь нержавеющие стены; уж я-то знаю, как нелегко при этом оставаться в живых.

Передо мной приглашающе маячил красивый металлический рычаг, потяни за него – и пойдет воздух, а когда давление уравнивается, можно будет открыть внутреннюю дверь шлюза. Слишком просто и потому подозрительно. Плавая в невесомости и ни до чего чужого не дотрагиваясь, я отстегнул клапан инструментального комплекта на бедре и вынул мультиметр, один его стержень приложил к рычагу, другой – рядом к стенке. Фонтан красивых искр, цифры на экране прибора. Двадцать пять тысяч вольт, не слабо! Интересные дела – «Марк-2500», оканчивается, ждет гостей.

Я убрал мультиметр и достал толстую катушку изоляции. К электричеству надо относиться с пиететом, особенно когда у него такая убойная мощь. Наматываем ленту на рычаг, тянем. Дверь поддалась; я дождался, когда она отворится пошире, и врубил двигатель, не жалея ресурса. Как только покину шлюз, окажусь под воздействием станционной гравитации.

Я влетел, и она мигом потащила меня вниз. Но инерции хватило, чтобы выйти на кувырок через плечо; уже в следующую секунду я стоял в боевой стойке и сжимал кулаки, готовый к любым неожиданностям. Затем я повернулся и увидел не улыбочивого типа в замасленной спецовке.

– Очередной ремонтник, что ли? – поинтересовался он.

– Нет, я Санта-Клаус, едва успел к Рождеству.

Этот малый был чересчур серьезен, если не сказать хмур. Он что-то недовольно буркнул и ткнул большим пальцем себе за плечо:

– Тебя ждут в рекреационном отсеке.

Он повернулся и пошел в сторону отсека, но затем, как будто спохватившись, представился и предложил:

– Я Корона, техник пятого класса. Топай за мной.

– Да с удовольствием. – От такого гостеприимного приема у меня полегчало на душе.

Сбросив скафандр, я затрусил следом за техником. В рекреационном отсеке было человек десять-двенадцать, все они зааплодировали при моем появлении.

– Чрезвычайно рад вас видеть. – Я сопроводил приветствие глубоким поклоном. – Вы уже в курсе, что я здесь с единственной целью – спасти вас. – И подпустил холодку в голос: – Однако мне интересно: как так вышло, что вы заранее узнали о моем визите? С учетом того, что помешанный компьютер контролирует всю радиотехнику на этом спутнике.

– А вот. – Красивая женщина с пышными рыжими волосами подняла в руке портативный радиоприемник. – Если держать возле иллюминатора, ловится передача со спасательных судов. Только отвечать мы не можем.

– Теперь можете, при мне мощный радиопередатчик. Позвольте узнать, с кем имею честь беседовать.

– Трина. Заместитель начальника этой станции.

– А с самим начальником я могу побеседовать?

У нее раздулись ноздри.

– Вы что, домашнее задание не выполнили? Начальник был на шаттле, с крушения которого и началась вся эта свистопляска.

– Мне известно только то, что довели до моего сведения. – Ноздри раздувать я умею ничуть не хуже. – Потрудитесь представить нынешнее руководство станции.

– У нас чрезвычайный комитет. – Она указала: – Вот доктор Путц, а это второй командер Старк. Ну и я сама. Доктор Путц – ассистент начальника научного отдела, мистер Старк – из службы безопасности.

– Ассистент, второй командер, – пробормотал я. – Не имею привычки решать дела с мелкой сошкой. Где их начальство?

– Наше начальство, ди Гриз, было все на том же шаттле, – прорычал Старк. – Обойдетесь тем, что есть в наличии.

– Ладно, не время ссориться по пустякам, – кивнул я. – Сюда я прибыл с единственной целью спасти вам жизнь. Поэтому в ваших интересах предоставить мне всю возможную помощь. Правильно рассуждаю?

Чрезвычайный комитет отошел в сторонку посудачить. Впрочем, решение было принято достаточно скоро, и до моего сведения его довела Трина.

– Мы согласны. Инструкции будете получать через техника Корону.

Ворчание техника я рискнул расценить как выражение согласия и кивнул с серьезным видом:

– Очень разумное решение. Прежде всего мне понадобятся чертежи всех ярусов вашего спутника.

– Ну да, этого каждый требовал первым делом. – Корона вручил мне пухлую обтрепанную папку с обожженными краями, с пятнами, подозрительно смахивающими на следы крови.

У меня возникли нехорошие предчувствия.

– Этим уже пользовались?

Он кивнул и улыбнулся, но в улыбке было мало веселого.

– Угу, четырежды. Может, пять – счастливое число.

– Но ты, конечно же, не запомнил предыдущие попытки добраться до компьютера во всех деталях?

– Отчего ж не запомнить? – Он забрал у меня папку.

Память у этого парня была отменной, хоть и избирательной в части негатива. Он быстро показал маршруты передвижения моих предшественников – через кладовую с радиодетальями, через энергостанцию, через продсклад, через отсек очистки кислорода. Все возможные пути. Планы умные и безотказные на вид – и сплошь провалившиеся.

– У самого-то есть мысли насчет того, как выполнить задачу? – спросил Корона, возвращая мне папку.

Таковых у меня не имелось, но признаваться в этом мелкой сошке я не собирался.

– Есть одна идея, и она нуждается в шлифовке. Для начала нужно собрать побольше информации. Будь любезен, попроси доктора Путца, чтобы он отвлекся от пятилитровой кружки с пивом и ненадолго составил мне общество.

– Вы хотите со мной поговорить? – Путц тыльной стороной кисти смахнул с усов пену.

– Да, если это вас не затруднит. Как ассистент начальника научного отдела, вы должны кое-что знать об устройстве «Марка две тысячи пятисотого», я правильно рассуждаю?

– Знаю кое-что, но это сплошь теория. К его повседневной работе я отношения не имел.

– Еще лучше. Вы не возьметесь объяснить мне, как это компьютер, по сути просто большой арифмометр, ухитрился сойти с ума?

– Хороший вопрос. – Мой собеседник ухватился за подбородок – потирая челюсть, он лучше сосредоточивался. – Я уделил ему немало размышлений и пришел к выводу, который мне кажется логичным. У компьютеров модели «Марк-две тысячи пятисот» объем памяти от десяти до четырнадцати порядков, это очень много. Уверен, вам известно, что объем памяти человеческого мозга обычно имеет десять порядков и редко превышает двенадцать...

– Иными словами, компьютер гораздо умнее человека?

– Да с чего бы? Я говорю о памяти, не об интеллекте. Но давайте предположим, что у него действительно замкнуло какие-нибудь контуры. При таком объеме памяти отчего бы не существовать вероятности случайного возникновения разума? Конечно, это не более чем умозрительное допущение. Миллиарды лет назад некий сбой в работе мозга животного привел к появлению на свет человека. А теперь допустим, что аналогичный сбой в работе вычислительной машины...

– Понял, к чему вы клоните! Есть шанс, что машина повзрослеет, обучится, разовьет в себе личность. Лишенную моральных установок, не способную любить или ненавидеть. Только холодная целесообразность...

– Всего лишь умозрительное допущение, не будем об этом забывать.

– Доктор Путц, благодарю за содействие. Однако сказанное вами представляет всего лишь академический интерес. Мне гораздо важнее знать, что делает машина, а не почему она это делает.

– На борту нашей станции она может делать все, что ей заблагорассудится. Ведь она контролирует каждую функцию, каждую операцию. Прекратить регенерацию воздуха? Пожалуйста. Отравить пищу? Никаких проблем. Умертвить нас она могла бы тысячью способов.

– Но не умертвила.

– Да. И мне это кажется особенно интересным. «Марк» задрал все воздушные шлюзы, полностью заблокировал радиосвязь, но больше никакого вреда нам не причинил. Правда, он уничтожил тех, кто представлял для него опасность.

– Вы не забыли про разбитый им вдребезги шаттл?

– У меня было время хорошенько подумать над этим. Возможно, у «Марка» возникла серьезная причина, чтобы так поступить. – И ученый боязливо оглянулся.

Я приблизился и тихонько спросил:

– Доктор, вас не затруднит объяснить, что вы имеете в виду?

– Опять же чисто теоретически. На борту шаттла находились три старших офицера, все начальство. И если компьютер вознамерился перехватить управление, таким удачным обстоятельством не мог не воспользоваться.

– И впрямь логично. – В моем мозгу забурлили мысли, детали головоломки начали складываться. – Доктор Путц, я малость притомился – проникновение на борт было целым приключением. Пойду прилягу и изучу план станции, а через восемь часов давайте устроим совещание. Вы доведете мою просьбу до остальных членов комитета? Спасибо.

Я резко повернулся и направился к выходу. У двери меня дождался Корона.

– Собираемся через восемь часов здесь же. К этому времени у меня будет готов план, и вы узнаете обо всем, что мне потребуется.

– Как скажешь, сейчас ты здесь главный. На уровне «М» полно свободных кают для транзитных пассажиров. Это на случай, если в процессе работы над планом тебе захочется глаза на минутку сомкнуть.

– Именно этим и собираюсь заняться.

Я захватил скафандр и прочее свое снаряжение и направился к лифтам. Вышел на ярусе «М», но там не задержался, а двинул к аварийным лестницам.

– Хорошая работа, Джим, – поздравил я себя сам, поскольку других желающих это сделать не нашлось. Да в тот момент я и не нуждался в чьем-либо обществе. – Как сказал доктор Путц, этот компьютер отнюдь не глуп. Наверняка подслушивает каждое слово в местах, где собираются люди.

Но с таким же успехом он может подслушивать и в лестничных шахтах, спохватился я и заткнулся. Вот мысли прочитать – это для него задача потруднее. Корона дал понять, что предыдущие попытки выключить «Марку» для того не явились сюрпризом. А как он мог узнать заранее? Только если подслушивал разговоры участников на стадии планирования. Но со Скользким Джимом этот номер не пройдет, иначе с какой бы стати его прозвали Скользким? Проскользну незамеченным, наверняка компьютер пока не ждет штурма. Прежде чем он спохватится и сообразит, что происходит, я доберусь до него и погружу в вечный сон. Вот только как это сделать?

Усевшись на металлические ступеньки, я зарылся в чертежи. Центральный компьютер, как можно догадаться по его названию, располагался в центре спутника. Удачное местонахождение для него, но не для тех, кому приходится с ним воевать. Я изучил маршруты своих злополучных предшественников. Весьма изобретательно, но слишком сложно, и конец известен. Должен быть другой путь, короткий и быстрый. Чем преодолевать все эти люки, двери, этажи и коридоры, я бы предпочел сразу достичь цели. Просверлить дыру суперлазером? Отличная мысль, если бы не один нюанс – нет у меня суперлазера под рукой.

Придя в неистовство от таких мыслей, я расшвырял чертежи, а когда собирал их, взгляд зацепился за нечто интересное. Ну конечно! Вот она, дыра! Пронизывающая весь спутник, сверху донизу. Проходящая точнехонько через компьютерный отсек. Называется она «шахта лифта». Джим, какой же ты умница! Ведя пальцем по чертежу шахты, я себе позволил смешок самодовольства, даже самовосхищения.

Только не подумайте, что я решил поехать к «Марку» на лифте, это было бы стопроцентным самоубийством. Нет, достаточно и самой шахты, и да помогут мне магнитные подошвы.

Сказано – сделано. «Быстро и безукоризненно» – вот девиз Стальной Крысы.

Я надел скафандр, проверил снаряжение и спустился до конца лестницы. Тут снова чертежи оказали услугу – весь этот уровень составлял одно сплошное машинное отделение. Гудели генераторы, стрекотали прочие агрегаты. Я тенью скользил между ними, пробираясь к началу шахты лифта № 19. Она нашлась в положенном месте, номер был написан прямо на инспекционном люке. Все идет согласно плану!

Я снял крышку люка и аккуратно положил на палубу. Просунул голову внутрь – непроглядная мгла. Посветил фонариком и увидел далеко наверху днище лифта. Путь к центральному компьютеру свободен. Что толку стоять столбом и воображать себе подстерегающие опасности? Вперед, Джим!

Я забрался в шахту и упер ногу в стенку. Гравитация, направленная к дну колодца, затрудняла подъем с помощью магнитного сцепления, но не делала его невозможным. При этом моя голова находилась ниже подошв – неудобно, но что поделаешь. Отключаем ток в нижнем ботинке, переставляем ногу, подаем напряжение, примагничиваемся. Ту же операцию повторяем с другой ногой, и так много-много раз. Мало-помалу, шагок за шагом, выбиваясь из сил, я преодолевал крутой маршрут. К середине пути до того запыхался, что решил передохнуть. Повис на ботинках, наполнил легкие воздухом – и в этот момент услышал гудение. Что бы это значило? Секунду спустя меня осенила страшная догадка, и я посветил вверх.

Компьютер зафиксировал присутствие чужака в шахте лифта и послал вниз кабину. Чтобы раздавить меня!

Я позволил себе секунду паники, но только для того, чтобы в кровь выплеснулась необходимая доза адреналина, и снова крепко взял себя в руки. Спокойно, Джим, ты побывал и не в таких переделках. Не поддавайся слепому ужасу, думай.

Отступить на дно шахты не получится, кабина все равно догонит. В стенке есть двери, может, удастся открыть одну и выскочить на какой-нибудь ярус? Нет времени на подобные эксперименты. Если нельзя уйти вниз и вбок, значит остается один путь – наверх. Я должен справиться с кабиной лифта!

Но это проще сказать, чем сделать. Все зависит даже не от быстроты, а от точного расчета. Без паники, Джим! Ты уже понял, как надо действовать.

Успокоив разум, я отклонился назад и изучил дно снижающегося лифта. А оно все ближе, ближе. Так, подаем ток на правую ногу, держимся на ней и клонимся туловищем назад, при этом левая нога заносится вертикально. Кабина все надвигается, и кажется, будто она набирает скорость. Вот она уже совсем рядом...

Лифт налетел с ужасающим лязгом и едва не прикончил меня. Но как только металлическое днище ударило по моей подошве, я примагнитился к нему и обесточил вторую ногу. Колено резко согнулось и подалось вниз, я плашмя стукнулся о кабину – но уже в следующий миг снова повис, оглушенный, держась одним ботинком.

Ступор – плохой помощник в столь рискованной ситуации. Преодолевая обморочность, я поднял вторую ногу и надежно ею прикрепился. Затем сложился в поясе и вытянул руку, держа в ней терморезак. Взревело белое пламя и как сквозь масло пошло сквозь металлическое днище кабины. Быстрое круговое движение лезвием, и вырезанный кусок падает, а я хватаюсь за края отверстия и болтаюсь под ним, кажется, целую вечность. Наконец одно-единственное спазматическое сокращение мышц – и я протискиваюсь в дырку. За долю секунды до того, как кабина ударяется о дно шахты.

Потом я немножко посидел, подышал всласть. Порадовался тому факту, что по-прежнему способен дышать. Полюбовался через отверстие на сжатые буферы. Еще бы немножко, и они раздавили бы меня, как таракана. Мысль не из приятных.

– Подъем, Джим! – скомандовал я себе. – Скопищу ржавых проводов и ветхих кремниевых чипов не одержать над тобою верх. Враг утратил бдительность, он больше не ждет от тебя удара, поэтому атакуй и рази наповал! Ты в двух шагах от победы!

И я снова взялся за дело. А ну-ка, где тут кнопка подъема? Вот она. Если нажать, сработает? Сработала. Компьютер сейчас не контролирует кабину. Чтобы было проще считывать цифры, я сорвал крышку с пульта управления. Еще несколько ярусов, еще один... Здесь!

Под вспышкой терморезака расплавился пульт, лифт задергался от резкого торможения. Пока он останавливался, я уже лез через верхний люк. И вот прямо передо мной дверь в компьютерный отсек!

Тут уже не до соблюдения правил вежливости – я попросту сжег петли и вышиб дверь пинком. И прыгнул следом за нею с терморезаком наперевес, готовый к любым неожиданностям.

Наступила долгожданная развязка. Компьютер, занимавший целый отсек, о чем-то разговаривал сам с собой на шелестяще-стрекочущем механическом языке, крутились диски запоминающих устройств, в прихотливой последовательности мигали лампочки. Мое появление застигло врасплох «Марка-2500». Я выпрямился и погасил резак.

Итак, мне удалось проникнуть в самую середку машинного мозга. Здесь у него нет сенсорных устройств, но все же расслабляться не стоит. Я осторожно двинулся вперед – и замер, увидев посреди отсека на полу металлическую коробочку с одиноко горящей наверху красной лампой. Сбоку выходил провод, змеился по полу и исчезал в недрах компьютера. Я осторожно нагнулся, выдернул разъем, выпрямился и подкинул коробочку на ладони.

– Вот так и должен был выглядеть по моим представлениям конец безумного компьютера.

Затем я подошел к панели управления и вдавил кнопку «Доступ».

– Да, – тихим механическим голосом отозвался «Марк-2500».

– Ты задраил все воздушные шлюзы?

– Задраил, получив инструкции высшего приоритета.

– Сейчас же прекрати операцию. И другим ненормальным инструкциям больше не подчиняйся. Все понял?

– Эта операция уже прекращена. Возобновлена штатная операция.

– Вот и хорошо. – Я вылез из скафандра. – Оповести всех присутствующих на борту, чтобы сейчас же собрались в рекреационном отсеке.

Я оставил свои вещи, кроме пистолета, зато прихватил трофейную коробочку. Пока я добирался до рекреационного отсека, каждый громкоговоритель на моем пути считал своим долгом прореветь мне в ухо оповещение. Техник Корона ждал у порога, при виде меня он удивленно поднял брови.

– Все уже внутри? – спросил я.

Он кивнул. Я вручил ему пистолет.

– Насколько мне известно, другого оружия на борту нет. Стой в дверях и прикрывай меня, мало ли что. Умеешь пользоваться?

– А то! Можешь на меня положиться.

– Вот и славно.

Обеспечив себе таким образом тыл, я вошел в набитый людьми рекреационный отсек и был встречен глухим ропотом. Пришлось поднять руки над головой, призывая к тишине.

– Все кончено, – сообщил я. – Опасность миновала.

– Вы отключили сумасшедший компьютер? – спросила Трина... с благоговением?

– Нет, – с лучезарной улыбкой ответил я. – Отключить пришлось только это. – И я протянул на ладони, чтобы все могли полюбоваться, металлическую коробочку. – Компьютер не способен сойти с ума – там просто не с чего сходить. Он же не человек. Но можно его запрограммировать так, чтобы он казался чокнутым. Что и произошло в нашем случае.

Раздалось дружное «ох», а затем Трина высказала мысль, обуревавшую всех:

– Программа? Но ее кто-то должен был написать и ввести. Кто же?

– Почему бы не вы? – спросил я самым разлюбезным тоном. – Вместе с тем шаттлом разбился ваш начальник. Вы могли подстроить аварию, чтобы получить высокую должность. Я читал ваше личное дело, там говорится о больших амбициях...

– Но я совершенно несведуща в механике! – возразила она. – Разве об этом вы в личном деле не прочли? Я администратор, а не электрик. Собрать такую штуковину – выше моих сил.

– Верно, верно, – пробормотал я, а затем резко повернулся и поднес коробочку к лицу Старка. – Зато присутствующий здесь командер в электронике кое-что смыслит. Его начальник тоже погиб при крушении. Старк, вы это подстроили, чтобы подняться в чине?

– Да вы, никак, сами рехнулись, – осклабился он. – Суньте нос в мое досье – и узнаете, что я подавал рапорт насчет досрочной отставки. Если бы ему дали ход, я бы давно сидел дома. Вот уж без чего могу прекрасно обойтись, так это без повышения. Я просто хочу на покой.

– Теперь мы знаем, кто убийца! – вскричал я, указывая на съездившегося доктора Путца. – Наш высоколобый ассистент до того завидовал своему начальнику, что решил его укокошить. А потом пытался запудрить мне мозги сказочкой про свихнувшийся компьютер. И это называется ученый! Доктор, вам бы следовало крепко подумать, прежде чем потчевать меня подобной чепухой. Уж вы-то с самого начала знали, кто перепрограммировал «Марка». Это дело ваших собственных рук!

– Да как вы смеете меня обвинять?! – возопил доктор Путц. – Я в компьютерах и прочих машинах ни бельмеса не смыслю! Я геолог! И сюда бы не попал, если бы не срочная замена! Все, что я умею, это камни колоть молотком!

От этой новости у меня неслабо отпала челюсть.

– Но кто же тогда? – пробормотал я. – У кого имелись необходимые знания для такой работенки? Кто знал планы первых спасателей и мог их сорвать?

С этими словами я повернулся кругом – и заглянул в дуло собственного оружия.

– Ты прав, болван! – Техник Корона ухмылялся, и теперь в его поросячьих глазках явственно виднелся огонек безумия. – Это сделал тот, над кем смеялись, тот, кем командовал всяк, кому не лень! Я им показал, чего стою! Кто теперь захочет посмеяться, покомандовать?

– Отдай пистолет, – велел я и двинулся вперед, в то время как остальные дружно попятись назад.

– А ты попробуй забери! – взвизгнул он.

И нажал на спуск.

После чего изумленно уставился на оружие, снова и снова дергая спусковой крючок. Мой кулак хорошенько припечатался к челюсти техника, и тот без чувств распластался на полу. Я поднял пистолет и улыбнулся.

– Не заряжен, – пояснил я ошеломленной аудитории. – Я с самого начала понимал, что кто-то должен был выполнить грязную работу. И злоумышленник, перепрограммировавший компьютер, не мог не остаться на спутнике. Поэтому я был вынужден подозревать всех без исключения. Отсюда и обвинения, и незаряженный пистолет. Корона мне с самого начала не понравился, но я хотел, чтобы он собственноручно доказал свою вину.

Раздались смешки, они быстро переросли в овацию. Я улыбнулся и раскланялся, принимая похвалы. А заодно и страстный поцелуй очаровательной рыжеволосой Трины. Да и от пары миллионов кредитов я не собирался отказываться!

Часть вторая

Ad astra¹

Перевод Кирилла Плешкова

В этом кошмарном мире, где царили огонь и смерть, не выжил бы никто из людей. Земля сотрясалась и раскачивалась от ударов ядовитого дождя, превратившись в мертвый лунный пейзаж под грохочущим, пронзаемым молниями небом. Никто из людей не уцелел бы там, где каждый глоток воздуха нес неизбежную гибель, каждая капля воды была полна отравы. Но одному это все же удалось.

Облаченный в броню, такую же темную, как и окружающая грязь, он наблюдал из укрытия за тремя неуклонно приближающимися вездеходами – бронированными чудовищами размером с многоэтажный дом, неуязвимыми для ничтожного оружия, которым обладали остатки человечества. Покрытые черной коркой, машины накри невозмутимо ползли вперед, их экипажи были уверены в своей неуязвимости и готовы уничтожить любого, кто осмелится им противостать. В своей победе они нисколько не сомневались.

Эллем-13 с трудом сдерживал кашель, изо всех сил сжимая горло через податливую металлическую ткань доспеха. В левом рукаве образовалась течь, всего-то с булавочную головку, но этого было вполне достаточно, чтобы внутрь попал боевой газ. Отверстие в рукаве затянулось, однако Эллем знал, что яд убьет его в течение шести часов, если не принять мер. Но беспокоило его вовсе не это – на протяжении шести часов он либо погибнет в бою, либо вернется на базу «Омега», где яд можно будет нейтрализовать. Сейчас его заботил лишь болезненный зуд в горле, вызывавший кашель, – но кашлять было никак нельзя. На вездеходах накри имелись датчики, способные уловить малейший, издаваемый человеком звук среди беспорядочного грохота механической войны, и тогда цель будет мгновенно уничтожена.

Он не мог не то что кашлянуть, но даже приподняться – приборы тотчас обнаружили бы тепло его тела. Он мог лишь лежать на выжженной, отравленной земле, усилием воли подавляя мятежные рефлексы тела, и наблюдать в крошечный зеркальный перископ, как приближается враг. Своим единственным оружием он может воспользоваться лишь один раз – и никакая телесная слабость ему не помеха.

Рев громадных двигателей и исполинских шестерен вырос еще больше. Когда ближайший из шедших клином вездеходов поравнялся с останками ракетного бомбардировщика, служившими Эллему-13 ориентиром для прицела, тот мрачно улыбнулся и сжал в руке активатор, а после того как ушли ракеты, позволил себе роскошь – долгий мучительный кашель.

Никакое оружие, созданное жалкими остатками человечества, не сумело бы даже помять броню такой громадины. Но любая военная машина несет зародыш собственной гибели – созданные ею средства нападения должны быть равными по мощи средствам обороны, а то и превосходить их. Чтобы эффективно воевать, надо быть параноиком, надо непрестанно создавать все более мощное оружие, не дожидаясь, пока его создаст враг. И накри обзавелись таким оружием нападения, хотя на Земле не имелось целей, против которых его можно было бы применить.

И в последние годы, благодаря опыту партизан давних высокотехнологичных войн, оружие противника обратилось против него самого. Земляне провели ряд молниеносных атак, потеряв при этом немало своих, – но они не ставили перед собой задачу отвоевать часть суши,

¹ К звездам (лат.).

девяносто восемь процентов которой контролировались инопланетными захватчиками, а стремились завладеть хотя бы несколькими единицами сверхмощного оружия, чтобы использовать его на последних рубежах обороны.

Именно такое оружие взмыло над покрытым ядовитой пеной озерцом, что служило укрытием Элему-13, – ракета длиной четыре метра и толщиной метр, большую часть которой занимал реактивный двигатель. Снарядом этой конструкции обычно управляла сложная электронная система наведения, имеющая обратную связь с кораблем-базой, но сейчас все было намного проще – команды старта и наведения на цель поступили по единственному проводу, что протянулся к активатору в руке Элеме-13 и оборвался сразу же после пуска. Ракета, стремительно разгоняясь, устремилась к большому металлическому объекту в центре поля зрения ее датчиков.

Отразить удар было невозможно. За несколько микросекунд до того, как успела бы сработать система защиты, ракета врезалась в бронированный корпус и взорвался содержащийся в носовой части кумулятивный заряд – не простой химический, но состоящий из вещества с плотностью в тысячу раз больше обычной. Вырвавшийся на свободу поток раскаленного газа вспорол вездеход, расширяясь по мере продвижения – входное отверстие имело от силы метр в диаметре, но когда газовое облако достигло задней стенки вездехода, оно уже было не меньше ее самой. Обломки металла и пластика, перемешанные с клочьями инопланетного мяса, с грохотом обрушились на вездеход, шедший третьим. Неодолимая сила встретила на своем пути движущийся объект – и победила. Огромный вездеход опрокинулся набок, его броня была растерзана в клочья, двигатель превратился в бесформенную грудку металла, а экипаж погиб на месте.

И все это сделал один человек с оружием, которое можно было привести в действие лишь при непосредственном соприкосновении с противником. Человек, которому хватило сил и смелости пролежать девять дней в ядовитой грязи, прежде чем появилась возможность это оружие применить.

Эллем-13 не испытывал по этому поводу особой радости. Он соскользнул на дно укрытия и, в очередной раз сдерживая кашель, мрачно посмотрел в перископ на застывший третий вездеход. Что он станет делать? Пока что Элему-13 феноменально везло – уничтожил двоих уродов одним выстрелом, – однако он сомневался, что везение еще хоть сколько-нибудь продлится. Но надо использовать выпавшие шансы до конца.

Как поступит командир вездехода? Двоих его товарищей уничтожило неизвестное оружие, которое теперь, возможно, нацелено на него самого. Похоже, его охватила паника, и это только на руку противнику. Все орудия в одно мгновение развернулись в разные стороны, выискивая цели и не находя. Земля содрогнулась от близкого взрыва, и Эллем-13 почувствовал, как его броня приняла на себя удар. Но на этом демонстрация огневой мощи закончилась. Поднявшаяся над горизонтом земля осела, и мертвый пейзаж стал прежним.

Вездеход развернулся на месте и укатил восвояси. Победа! Командир не пожелал riskнуть сотнями находившихся в его подчинении жизней. Эллем-13 не сомневался, что он вернется с подкреплением, но сейчас нельзя упустить шанс, который может не скоро появиться вновь – если вообще когда-нибудь появится. Воткнув в землю штырь геофона, он быстро, но отчетливо заговорил в микрофон.

– Всем постама, срочный вызов. Координаты один-четыре-три-девять. Выведен из строя вездеход накри, экипаж уничтожен, оружие, возможно, не повреждено. Отправляйте призовые команды. Конец связи.

Едва Эллем-13 осознал, что дело сделано, он тут же расслабился, копившееся девять суток напряжение вмиг исчезло. Конечно, оно скоро вернется – лишь постоянная бдительность позволяет выжить. Но сейчас он дал себе несколько мгновений блаженного спокойствия. Воздушные фильтры почти полностью забиты отравой, запасы воды и пищевых концентратов

подошли к концу. Пусть остальные заберут все трофеи с подбитого вездехода, а его задача – вернуться, не погибнув от газа.

Не дожидаясь, когда появятся первые из вызванных, он кое-как поднялся на усталые ноги и побрел в сторону далеких иззубренных гор, где ждали последнего боя с захватчиками-накри разрозненные группы уцелевших людей.

Мигающий свет проникал сквозь веки; как ни ворочайся во сне, в уши вонзается пронзительный звон. Несмотря на крайнюю усталость, Эллем-13 очнулся от первого за десять суток сна и нащарил кнопку выключателя. Свет погас, сигнал умолк, и громкоговоритель над койкой заговорил голосом Оэль-2.

– Эллем-тринадцать, жаль тебя будить, но приходится. Совет собрался на срочное заседание, и Джаяр-шесть вновь заговорил о своем плане. Он считает, что благодаря оружию и запасам с вездехода можно опять подумать о перегруппировке.

Выругавшись, Эллем-13 сел. Перед глазами поплыло, к горлу подступил комок. Он с трудом встал, держась за край верхней койки.

– Возвращайся на заседание. Тяни время. Говори что угодно, но не дай им проголосовать, пока я не приду. Приказ ясен? Прием.

– Приказ ясен. Конец связи.

Ноги подкосились, и он, тяжело дыша, снова упал на койку. Нет, так дело не пойдет. Дрожащей рукой Эллем-13 открыл коробочку, которую носил на шее. Таблеток осталось мало, и пополнить запас невозможно. Их бы приберечь для боя – но сейчас ему, по сути, тоже надо идти в бой. Решившись, он положил зеленую таблетку стимулятора под язык и подождал, пока сойдет усталость и по телу разольется искусственная энергия – искусственная, но вполне реальная. Врачи предупредили, что одна такая доза отнимает по крайней мере год жизни. С тех пор он давно потерял счет принятым таблеткам.

К тому времени, когда он умылся над раковиной со стружкой ржавой воды, стимулятор уже действовал вовсю. Натянув грязный комбинезон, Эллем-13 поспешил к выходу.

От казармы до зала совета было километра три, которые он преодолел медленной рысцой. Бежать быстрее не позволяла жара – уже через сто метров он облился потом, а через километр начал задыхаться.

Когда-то во всех коридорах работали кондиционеры, а до любой точки можно было добраться местными транспортными средствами – но это очень давно. Теперь же электричество приходится экономить, тратя его лишь на поддержание систем жизнеобеспечения, и ничего не остается, кроме как потеть. Когда Эллем-13 наконец увидел впереди красную дверь зала совета, у него уже отчаянно кружилась голова. Несколько секунд он постоял, прислонившись к стене. Лишь ощутив, что вернулась способность нормально дышать и говорить, он приложил ладонь к пластине датчика и вошел в открывшуюся дверь.

Говорил Джаяр-6, яростно потрясая кулаком в сторону Оэль-2:

– ...Это прямое оскорбление, вот что это такое! По-твоему, я ратую за план перегруппировки, исходя только из личных опасений? Да как ты смеешь! Я, как и каждый из нас, готов отдать человечеству все, даже собственную жизнь...

– Можно подумать, у тебя есть выбор, – холодно прозвучал звонкий голос Оэль-2.

Она не видела, как вошел Эллем-13, и все еще тянула время.

– Это уже слишком! – рявкнул Джаяр-6. – Требую, чтобы совет удалил отсюда эту женщину. Будь она мужчиной, я бы убил ее голыми руками!

– Прибереги свою страсть к убийству для накри, – сказал Эллем-13, и все посмотрели в его сторону. Медленно пройдя через зал, он сел в первом ряду. – Джаяр-шесть, как я понял, ты снова ставишь на рассмотрение план перегруппировки?

– Да. И на этот раз никакие твои фокусы не помешают его принять.

Джаяр-6 злобно смотрел на Эллема-13, который мрачно взглянул на него в ответ. Оба были рослыми и крепкими – слабые здесь не выживали, – и ни один не собирался уступить. Проведя рукой по коротко подстриженным волосам, Эллем-13 улыбнулся противнику.

– Тебе стоит поблагодарить меня за помощь. Иначе о твоём плане и речи бы сейчас не было.

– Никто не умаляет твоих заслуг, – неохотно ответил Джаяр-6. – Да, подбив машины, ты очень нам помог. Противник остановил наступление на десять часов, и за это время с поврежденного вездехода мы забрали столько оружия и материалов, что нам хватит на годы. Можно отсрочить последнее решение и послать больше спящих...

– Нет! Ты слишком свободно оперируешь фактами и забываешь о директиве. Секретарь, я требую привилегии – пусть решение будет зачитано всему совету.

Послышались протестующие восклицания – почти все тридцать с лишним членов совета знали директиву наизусть. Тем не менее большая их часть согласно кивнули. Секретарь нажал несколько кнопок на пульте перед собой и щелкнул переключателем. Из настенных громкоговорителей полился бесстрастный голос компьютера:

– Пик регресса восемь дней. Пик результативности тринадцать дней. Смещение сорок три. Пик результативности девятнадцать. Процент успеха восемьдесят три.

По залу пробежал ропот. То был самый высокий процент успеха за все время – несомненно, благодаря захваченным материалам. Но по какой-то причине, известной одному лишь компьютеру (который учитывал все факторы, такие как сила противника, потери с обеих сторон, боевой дух, погодные условия и прочее), пик регресса приблизился на четыре дня. Каждый день, потраченный на реализацию плана, уменьшал шансы на успех.

– Компьютер не застрахован от ошибок! – в гневе воскликнул Джаяр-6.

– Ты тоже, – как можно спокойнее сказал Эллем-13. – Я несколько не сомневаюсь в искренности твоих чувств по поводу последнего решения и твоего плана перегруппировки. Позволь еще раз напомнить, как вообще возникло это решение. Война с накри продолжается уже почти век, и последние десять лет мы проигрываем ее во всех отношениях. Лишь мощь базы «Омега» еще позволяет нам сопротивляться. Все это время ее существование хранилось в тайне – узнай о ней накри, они бы обрушили на нее горы. О базе не знают даже остатки наших войск в рассеянных по миру подземных бункерах; они уверены, что ничего другого просто не осталось. И с каждым днем ситуация все хуже. Мы не заслужили того, что случилось за последние десять лет. Но, когда нас приперли к стенке, мы научились обращать оружие противника против него самого – и получили передышку, которую сумели потратить с пользой. Послав спящих, мы собрали достаточно сведений о накри, чтобы принять последнее решение. Его назвали так, потому что оно единственное. Нужно действовать, и безотлагательно. Промедление грозит катастрофой. Сейчас самое подходящее время. Да, мы знаем: либо все, либо ничего. Но есть ли у нас выбор? Я прошу совет проголосовать за последнее решение в его прежнем виде. Кто «за»?

Зал наполнился возгласами «да!». Когда объявили голосование «против», побагровевшего Джаяра-6 поддержало лишь несколько голосов.

– Принято большинством, – сказал Эллем-13, вновь занимая свое место.

Несмотря на стимулятор, он чувствовал усталость.

После рассмотрения еще нескольких вопросов объявили перерыв. Остальные направились к выходу, но он продолжал сидеть, уставившись в пустоту – словно заглядывая в будущее, где, возможно, не было ничего. Несколько мгновений спустя он понял, что рядом кто-то стоит, и, подняв глаза, увидел Оэль-2. Несмотря на мрачные мысли, он не удержался от улыбки.

Высокая и сильная, она была очень красива. Тускло-коричневый комбинезон не скрывал ее формы, коротко подстриженные волосы пылали рыжим огнем. Лицо становилось еще симпатичнее, когда она улыбалась, как сейчас, в ответ на его улыбку. Эллем-13 взял ее за руку.

– Я знала, что у тебя все получится, – рассмеялась Оэль-2. – Никогда не забуду лицо Джаяра-шесть, когда ты объявил голосование. С ним теперь покончено?

– Навсегда. Через два, самое большее три дня вступает в силу последнее решение. Туннель готов, и мы ждем лишь итогового доклада. Он может поступить в любой момент – и потому я должен спросить тебя о крайне важном. Ты все еще хочешь от меня ребенка?

– Всей душой!

– Тогда идем.

После, когда они вместе лежали в темноте, он рассказал о том, о чем не мог рассказать раньше.

– Компьютер дал мне новое назначение. Я теперь в команде «Бета».

Она вскрикнула, словно от боли; коснувшись ее щек, он обнаружил, что они мокры от слез. То был единственный ее протест – все они знали свой долг и подчинялись ему, – но она еще крепче обняла Эллема-13, понимая, что оставшееся у них время теперь уходит еще быстрее.

Тревогу объявили позже, когда они спали. Эллем-13 и Оэль-2 поднялись с постели, оделись и расстались, не сказав друг другу ни слова.

День, которого все ждали, наконец настал. Эллем-13 облачался в броню, когда вошел Джаяр-6.

– Мне тоже дали новое назначение, как и тебе, – процедил он сквозь зубы.

– Да, я видел. Тебя включили в команду «Омега». Компьютер принял разумное решение...

– Черт побери, думаешь, я трус? Думаешь, я об этом просил?

Эллем-13 положил руки ему на плечи.

– Вовсе нет. Никогда таких мыслей не было. Я считаю, что ты всегда действовал по совести, пытаюсь найти лучший путь. Если я был с тобой несправедлив, извини. Я поступил так лишь для того, чтобы поддержать план, поскольку не сомневаюсь: он лучший. Я всегда считал тебя благородным противником, твой склад ума подходит для управления базой «Омега». Держись и сражайся до конца. Это самое главное.

– Я тебе верю, – проворчал Джаяр-6. – Обещаю, мы будем сражаться гораздо дольше, чем предполагает компьютер.

– Я тоже тебе верю. Прощай.

Они вышли – мужчины и женщины, похожие как две капли воды в тяжелой боевой броне, идущие на последнее сражение, на свой Рагнарёк. Бой не против богов, но против существ из космоса, из иного мира, стремящихся захватить Землю. Но противник чужакам достался не из легких. Человек стал венцом творения в этом мире, он обрел способность побеждать, убивая и даже съедая представителей всех прочих видов, и он не желает мириться с поражением.

На базе оставалась лишь команда «Омега». Для всех остальных вопрос стоял просто: либо все, либо ничего. Они шли в бой под руководством компьютера – в бой, какого еще не знала история, в бой, который мог стать концом всему.

Или началом.

Они взяли со складов оружие – атомные ракетометы, гранатометы, лазерные ружья, огнеметы. Оружие раньше принадлежало инопланетянам, превосходя по размерам обычное оружие людей – накри были намного выше, в среднем двухметрового роста, хотя и худые как спички. Чтобы трофеями можно было пользоваться, пришлось спилить приклады и приварить дополнительные рукоятки. И тем не менее это оружие намного превосходило любое, когда-либо существовавшее на Земле, и землянам не терпелось обратить его против его создателей.

Они шли поодиночке, и по двое, и целыми отрядами, неслышно занимая выделенные им позиции. Машины одна за другой уходили в туннель и возвращались пустыми, чтобы забрать очередную партию бойцов из постепенно сокращающейся очереди.

На постройку туннеля длиной в двести с лишним километров ушло пятнадцать лет – и намного больше было потрачено человеческих жизней. Когда командование накри установило, что основные очаги человеческого сопротивления находятся в этих местах, пришельцы оборудовали космодром и базу снабжения в тылу собственных войск. В тот же день, когда была достроена база, люди взялись прокладывать туннель, направленный в ее сторону, словно кинжал. Он проходил в миле под землей, где его не могла обнаружить обычная техника. На рытье ушли годы. Компьютер фиксировал все звуки на поверхности, слушал прибытие и отправление космических кораблей и грохот войны, а также отслеживал естественную тектоническую активность в регионе. Когда шум достигал определенного уровня, компьютер приводил в действие машины, которые в течение недолгого времени яростно вгрызались в землю, а затем замолкали, получив электронный сигнал. Они ползли сантиметр за сантиметром, все медленнее и медленнее по мере того, как туннель приближался к поверхности, и окончательно замерли менее чем в ста метрах под базой. Оставшуюся землю предстояло удалить лишь в начале штурма.

Здесь был вырыт подземный зал, и теперь в нем собрались подразделения, которым предстояло идти в авангарде. Последний крутой подъем пришлось преодолевать пешком, и все устало опустились на землю, набираясь сил перед атакой. Возглавлявшему их Эллему-13 отдыхать было некогда – он проверял состояние войск. Лишь убедившись, что все действительно готовы, он позволил себе расслабиться и присесть.

Среди плотно сбившихся бойцов возникло какое-то движение, и вперед протолкались двое, неся на носилках уродливый черный цилиндр.

– В эту нишу, – распорядился Эллем-13, внимательно наблюдая, как водородную бомбу осторожно опускают на землю. – Кто приведет ее в действие?

– Я.

– Ты получил боевую задачу?

– Да. Я должен включить таймер, когда начнется атака, и последним присоединиться к команде «Альфа». Через две минуты бомба будет активирована. Она взорвется, если любой человек, накри или машина приблизится к ней на двадцать метров, или если поступит кодированный сигнал от команды «Бета», или если в течение двух дней сигнала не будет.

– Хорошо. Накри не смогут найти этот туннель и не доберутся по нему до базы «Омега».

– Пять минут, – объявил офицер связи, получив сигнал от боевого компьютера.

Эллем-13 кивнул.

– У всех у вас есть задачи и цели. Могу добавить лишь одно: старайтесь понести как можно меньше потерь. На каждого из нас у врага есть целый батальон. Стреляйте первыми, уничтожайте без колебаний всех. Любое помещение зачищайте еще до того, как войдете. А теперь примите это.

Раздав офицерам таблетки стимулятора, он проглотил одну сам. Больше они не понадобятся – это последняя битва.

– Огонь открыт, – сказал офицер связи, и в то же мгновение земля содрогнулась.

Солдаты зашевелились.

– Спокойно! – крикнул Эллем-13. – Первые удары – по командному центру и складам. Выступаем, только когда начнется обстрел космодрома.

Взрывы приближались, они звучали все громче. Впереди на равнине добровольцы пускали ракету за ракетой. В отряды смертников набрали исключительно добровольцев. Стоило хоть раз применить оружие, как враг обнаруживал подразделение и устремлял в его сторону ответный огонь. Слишком поздно, чтобы остановить, но достаточно быстро, чтобы убить.

– Лазер! – крикнул связист.

Из четырехметровой пасти огромной машины ударил столб когерентного света. Земля и камень, которых он касался, мгновенно превращались в газ, который, в свою очередь, тотчас же распался на атомы. Из образовавшейся дыры хлынул поток одноатомного газа, пронесшись словно торнадо над головами. Забрала шлемов боевых скафандров автоматически захлопнулись, едва их коснулось сгущающееся ядовитое облако. Видимость упала до предела, и солдаты потеряли друг друга из виду – но этого все ожидали, и никакой задержки не случилось.

– Пробылись! – раздался в наушниках громкий голос оператора лазера. Никто, однако, не двинулся с места, дожидаясь последующих слов: – Лазер убран.

– Ракетокары, вперед! – приказал Эллем-13.

В редеющем облаке газа вспыхнули языки красного пламени – по уходящему наклонно вверх туннелю устремились импровизированные ракетокары с установленными сзади твердо-топливными двигателями. Каждый был набит отборными бойцами. Едва тележки вырвались из туннеля, их пассажиры спрыгнули и бегом рассеялись во все стороны, убивая встреченных накри. Неожиданность была самым эффективным оружием, и следовало воспользоваться им в полной мере.

Следом за тележками поднялись телескопические лестницы, и защитники Земли бросились в атаку. Эллем-13 бежал впереди, охватившее его ликование ежесекундно росло. План сработал идеально! Кругом бушевали пожары, земля сотрясалась от взрывов, огонь, пожиравший склад топлива, окрашивал горизонт в красный цвет. Все вокруг было в дыму и пламени. На земле валялись изуродованные трупы накри. Оружия при них не заметно – значит противник сосредоточился на обороне периметра, в то время как земляне атакуют изнутри.

Они нанесли сокрушительный удар, сея смерть и разрушение по всей территории базы. Каждая группа имела свою, заранее определенную цель. Главная задача Эллема-13 требовала вывести из строя центр связи, и он знал, что следом за ним бегут его солдаты. Впереди из-за угла с ревом вылетела боевая машина – и тут же взорвалась, пронзенная десятками энергетических лучей. Охранявшие здание накри погибли на посту, и внутрь ворвались защитники Земли.

То, что последовало дальше, напоминало бойню – но никто не жаловался. Накри погибали, застигнутые врасплох. Взрывались компьютеры, перерезались линии связи. Казалось, так будет длиться вечно – и когда здание наконец зачистили и поступил сигнал прекратить огонь, все, стараясь твердо держаться на ногах, собрались в большом зале у входа.

– Две минуты отдыха, – распорядился Эллем-13. – Потери?

– Шестеро убитых.

– Много... Но для нашей задачи шесть – подходящее число. Покажите мне их.

Шесть тел уложили в ряд, и он бесстрастно оглядел каждое, а затем указал на неестественно изломанную и изрезанную фигуру.

– От чего погиб?

– Мономолекулярное ружье. Было у одного из командиров противника, он устроил засаду.

– Не годится, на кораблях у них такого оружия нет. Оставьте его здесь, забирайте остальных. Две минуты закончились.

Они выбежали в полную огня и дыма ночь, неся с собой павших. Бой переместился дальше, и они никого не встретили – ни человека, ни инопланетянина. Пробежав мимо громадных пылающих зданий, остановились перед шеренгой дымящихся наземных машин. Эллем-13 взгляделся в темные очертания большого грузового корабля, что возвышался впереди. Пандус опущен, входной люк открыт, и внутри заметно какое-то движение. Подняв оружие, Эллем-13 прицелился в люк, затем движением языка сменил частоту рации и прошептал:

– Земля...

Слыша в ответ лишь треск помех, он уже давил на спуск, когда раздался ответный шепот.

– ...Будет жить. – Это была кодовая фраза, известная лишь двоим.

– Он там! Пошли!

Они бегом пересекли выжженную взрывом площадку и взбежали по пандусу корабля. Человек в боевой броне отошел в сторону, пропуская их.

– Докладывай! – приказал Эллем-13.

– Люк был открыт, двое из экипажа наблюдали за взрывами на другой стороне поля. Я прикончил их ножом. Внутри оказались еще трое – двоих я застрелил, третий был вооружен, и пришлось его сжечь.

– Корабль сильно пострадал?

– Почти нет. Только дым и кровь. Я уже более-менее прибрался, но помощь не помешала бы.

– Отличная работа. Вы двое, пойдите с ним и помогите навести порядок. Внутри не должно быть никаких следов насилия. Остальным прочесать все вокруг, нам сюрпризы не нужны. Я вызываю команду «Альфы». – Едва договорив, он подал условный сигнал.

Дождаясь прибытия «Альфы», он выслушал доклады других групп. Без потерь, естественно, не обошлось, – иначе и быть не могло, – но командование противника, похоже, до сих пор не догадывалось о захвате базы, и отовсюду Эллему-13 докладывали о победах. Четыре захваченных вездехода готовы были сорваться с места. Главный оружейный склад не пострадал, но его сейчас минировали, и в нужный момент он взлетит на воздух. Атака удалась на славу.

В темноте появились темные силуэты людей, пытавшихся двигаться бегом в не предназначенных для этого скафандрах. Неся на плечах тяжелые мешки и ящики, они миновали Эллема-13, и тот последовал за ними вглубь корабля, шурясь от яркого света, заливавшего холодильную камеру. Все подняли лицевые пластины шлемов, чтобы дышать холодным воздухом, и приблизились к огромной горе мяса.

Белок. Чистый необработанный белок. Груда того, что когда-то было земной жизнью. Тела тигров и слонов, овец, обезьян, скота... даже людей, сваленные в кучу и замороженные. Никто не знал, что с ними собирались делать, – вполне возможно, они предназначались в пищу. Биологические системы Земли и Накри были совместимы, и земные волки с удовольствием пожирали трупы накри.

Тела из морозильной камеры непрерывным потоком перемещались в ближайшее здание. Эллем-13 пристально следил за каждым шагом операции. Она уже почти завершилась, когда к нему подошла Оэль-2 и встала рядом, дожидаясь внимания. А он не замечал ее, полностью сосредоточившись на работе. Ошибиться было нельзя, от исхода этой операции зависело слишком многое. Закончив, он обернулся и только тогда увидел Оэль-2.

– Я знаю, все получится. – Эллем-13 взял ее за руки, обтянутые бронеперчатками.

– Наверняка, – кивнула она.

– Да. Не будет никаких следов того, что внутри корабля погиб хоть один накри. Все убитые – снаружи, с оружием в руках, смерть их застигла при обороне корабля. Тела наших подтвердят, что нападение удалось отразить. Одного накри мы оставим в запортом шлюзе. Все будет выглядеть так, будто он получил тяжелую рану, отступая, закрыл за собой люк – и умер. Чистильщики с мощными сканерами сейчас обрабатывают коридор, они не оставят свидетельств нашего пребывания здесь. Здание, куда мы перенесли отсюда трупы, будет разрушено взрывом тактического ядерного заряда. Концы в воду. А команде «Альфа» и тебе вместе с ней предстоит лететь на этом корабле к Накри, ничем себя не выдавая.

– А там... – В ее голосе прозвучала нерешительность, но Эллем-13 продолжал с прежней твердостью:

– Там сойдете с корабля – возможно, с боем, – и доберетесь до высокогорья. Мы знаем, что температура тела накри выше нашей и что на их планете есть зоны с умеренным и холодным климатом, куда им не так-то легко проникнуть. На другие корабли мы тайком поместили наших, некоторые из них, вероятно, вышли из анабиоза и обосновались на планете. Они вам помогут. Но если даже их там не окажется, вы должны выжить. Во что бы то ни стало.

– Такой долгий путь...

– Вовсе нет.

Даже сквозь перчатки она почувствовала силу его пальцев.

– Никакой путь не покажется долгим, если он обеспечит выживание человечества, победу Земли. Здесь мы проиграли. Возможно, какое-то время еще будем способны сопротивляться, но это ничего не меняет – рано или поздно нас уничтожат. Сражаться теперь предстоит вам – и ты обучишь нашего ребенка, чтобы он возглавил идущих в битву. Вы будете жить скрытно, пока не наберетесь сил, и однажды война возобновится. Вы покажете накри, кому они бросили вызов, напав на Землю! Вы закрепитесь на чужой территории и создадите там мощную тайную цивилизацию, а затем уничтожите врага.

– Иначе и быть не может. Когда-нибудь мы вернемся на Землю и она снова станет нашей. Путь домой так же долг, но мы возвратимся.

Они поцеловались, едва дотянувшись губами друг до друга через лицевые отверстия шлемов. А потом повернулись и разошлись, не оглядываясь. Битва за Землю была проиграна. Победу еще предстояло завоевать.

Нить судьбы (В соавторстве с Кэтрин Маклин)

Перевод Кирилла Плешкова

*В пыльном зале вечности, в окружении сверкающей ткани миров, сидят три норны, пря-
дильщицы людских судеб. Их сморщенные от старости пальцы без усталы перебирают нити,
изгибая и соединяя их в бесчисленном множестве сочетаний.*

*Каждая из нитей – чья-то жизнь. Управляя нитью, норны управляют жизнью. Под
нескончаемое бормотание собственных голосов они передают друг другу единственный глаз,
чтобы посмотреть, как плетется невообразимая ткань судеб. Голоса звучат все громче, их
тональность меняется. Человеческая судьба далеко не всегда получается гладкой.*

– Нет, погоди, эту линию сюда вводить нельзя.

– Но она – часть узора...

– Она его только портит. Мне придется переделывать и свою часть.

– Столько веков трудились, а ты все разрушить хочешь!

Голоса еще громче, в них слышится гнев.

– Постой, Гриссель, постой. Здесь нельзя ничего менять.

*Норна сердито взмахивает рукой над тканью. Кольцо на ее среднем пальце – Перстень
Единорога – касается поверхности, и рог подцепляет и выдергивает тонкую сверкающую нить
чьей-то жизни.*

– Я сделаю по-своему. Дай мне глаз.

*Спор продолжается. Нить человеческой судьбы, никем не замеченная, свободно парит
в пространстве.*

I

– Извини, мама, но он мне не подходит.

*– Я купила как раз по твоему размеру, – твердо заявила мать Гранта. – Попробуй еще
раз. Должен подойти.*

Грант О’Рейли снова примерил пиджак. Он прекрасно знал, что тот не подойдет; так
и вышло. Пиджак жал в плечах, а манжеты на три дюйма торчали из рукавов. К подобному
Грант уже привык. Мать купила сыну свадебную одежду, по своему обыкновению считая его
ребенком, и все оказалось чересчур мало.

На этот раз она здорово подвела Гранта. Было воскресенье, они проделали немалый путь
от города до церквушки, где прежде женились и выходили замуж дядюшки, тетушки и прочая
родня Люси. Купить или взять напрокат более подходящую одежду уже не оставалось времени.

Грант глянул в зеркало трюмо, пытаясь представить себя в глазах влиятельных и благо-
воспитанных родственников Люси. Нет, так явно не годится. Люси придет в ужас, зальется
краской стыда, увидев его с торчащими как у деревенщины манжетами. Грант попытался
поправить рукава. Сегодня он должен был выглядеть изысканно – именно так, как нравится
Люси.

Из зеркала на него смотрело телячьими глазами отражение, неловко пытавшееся стянуть
вниз обшлага пиджака. Гранту не слишком нравился этот высокий худой парень со светлыми
волосами. Почти невидимые брови придавали его лицу кроткое, безгрешное выражение. Когда
рядом не было зеркал, он представлял себя сильнее и с более темной шевелюрой – достойным
мужем и защитником для столь прекрасной женщины, как Люси.

Люси! При мысли о ней загорелись щеки. Влечение было скорее телесным, нежели духовным, и отчего-то показалось, что в церкви оно будет неуместно. Отвернувшись от зеркала, он принялся стаскивать пиджак – и одновременно попытался отделаться от предательской мысли.

Развалившись в кресле у дальней стены, Херб Колломб невозмутимо курил старинную трубку. От его крепкой фигуры так и веяло мужеством, и Грант при нем чувствовал себя в безопасности – как и в те годы, что они вместе провели в колледже. Они жили в одной комнате и одновременно закончили учебу, так что в роли шафера Херб вполне устраивал Гранта.

Колломб улыбнулся, не вынимая трубки изо рта, и Грант с удивлением поймал себя на том, что улыбается ему в ответ.

В открытое окно ризницы доносилось теплое дыхание весны. Пела птица, и весь мир казался Гранту восхитительным. Однако, взглянув на переброшенный через руку пиджак, он вновь ощутил тревогу. Где бы взять другой?

Но было уже слишком поздно – слышались ноты настраиваемого органа и шарканье входивших в церковь гостей.

– Черт побери, – вполголоса пробормотал Грант.

– Не ругайся. Вряд ли Люси была бы рада услышать такое от тебя. Она из очень хорошей семьи.

– Извини, мам.

– Все в порядке, дорогой. Мне всегда хотелось гордиться своим сыном – настоящим джентльменом.

Херб выронил трубку и снова ее подобрал, слегка покраснев. Грант попытался улыбнуться, и на него накатила знакомая слабость. Ну почему именно сейчас? Раз или два в жизни ему удавалось отсрочить несвоевременный приступ, но теперь было ясно, что всю церемонию не продержаться. Лучше уж пусть это случится сейчас – нельзя допустить, чтобы свадьба пошла прахом.

Нужно лишь какое-то время побыть одному, вдали от чужих голосов и глаз. Грант понял, что сдерживаться больше не может.

– Еще десять минут, – поспешно сказал он, слыша нарастающий звон в ушах и видя, как отдаляются лица присутствующих. – Пойду немного подышу свежим воздухом.

Рядом с церковью находилось уютное старое кладбище с покосившимися могильными камнями и высоким бурьяном; посреди стояло узловатое персиковое дерево в полном цвету. Кладбище было отрезано от окружающего мира и от течения времени высокой каменной стеной. Боковая дверь ризницы выходила на мощеную дорожку, огибавшую здание церкви вдали от окон. Вполне уединенное место, по крайней мере на какое-то время.

«Нужно поменьше волноваться», – подумал Грант, закрывая за собой дверь.

Впрочем, теперь об этом уже поздно размышлять – следовало раньше принять лекарство. Если бы за Грантом кто-то наблюдал, он увидел бы, как губы молодого человека изогнулись в неприятной гримасе, обнажив неровные зубы, отчего в его прежде ангельской внешности появилось нечто звериное, словно у охотничьего пса светлой масти. Он медленно двинулся по дорожке, чувствуя, как стучит кровь в висках, и бессознательно ища укрытия, где можно дать волю приступу. И нашел его – в одном месте стена сворачивала под прямым углом.

Сойдя с дорожки, Грант вжался в этот угол и стал ждать, когда на него, подобно тяжелому камню, навалится беспомощность.

Грант не знал, сколько прошло времени, но давление в голове ослабло, звон в ушах смолк, вернулась способность видеть, слышать и осязать. Он еще немного постоял, прижимаясь лбом к холодному камню и радуясь, что болезнь не заставляет падать на землю и биться в судорогах. Когда они с Люси пожениются, он сможет просто уйти в ванную и тихо постоять за закрытой дверью, пережидая приступ.

Болезнь лишила мальчика детских игр, удерживая его под бдительным надзором матери, отняла свободу рисковать и пренебрегать опасностью, оставив на его долю лишь приключения в стихах и книгах. Но он не позволит болезни лишить его и права на семейную жизнь. Способность предчувствовать приступ давала ему возможность жить нормальной жизнью и зарабатывать деньги трудом архитектора – клиенты даже не догадывались, что с ним не все ладно. Он всегда мог найти укромное место на время припадка.

Повернувшись, он взглянул на зеленую траву, на старую каменную стену, на низкие покосившиеся надгробия. Зрение прояснилось, и теперь все окружающее словно заиграло новыми яркими красками.

Из окна над головой отчетливо слышался голос матери, возвращавший далекие воспоминания:

– У Гранты бывают припадки, если он волнуется. Мне стоило большого труда освободить его от занятий по физкультуре во всех школах, где он учился, не рассказывая о настоящей причине. С его отцом тоже так было, а началось после того, как мы поженились. Такой приятный мужчина... Это у нас семейное, знаете ли...

Грант постарался отбросить мрачные мысли, убеждая себя: что бы ни делала мать, это лишь для его же блага. Она и насчет пиджака что-нибудь придумает, у нее всегда получалось, стоило лишь захотеть.

Он встал, собираясь вернуться в церковь.

И тут он увидел.

В небе, от горизонта до горизонта, простерлось нечто длинное, белое, массивное, похожее на гигантский брус или слоновий бивень. Еще мгновение назад их разделяла вечность, а в следующий миг оно уже пикировало вниз, прямо на Гранта. Он не знал, откуда ему это известно, но не сомневался, что странная штука мчится прямо на него, словно скорый поезд в туннеле.

Прежде чем он успел закричать – и даже подумать об этом, – было уже слишком поздно. Последовал удар, удивительно мягкий, но чудовищной силы.

Мир исчез. Перед глазами Гранта вспыхнуло кладбище с оранжевой травой и красное небо. Яркие цвета медленно потускнели, и их сменило ничто – вряд ли его ощущения можно было описать иным словом. Сперва Гранта охватил ужас, но затем вернулась крупная здравомыслия. Он ничего не чувствовал, ничего не слышал, а то, что он видел, немало его озадачило; лишь какое-то время спустя стало понятно, что оно не имеет цвета. Но оно не было и черным, скорее серым – серый бархатный туман, окутывавший его со всех сторон.

К своему ужасу, он осознал, что не дышит. Не билось и сердце. Все функции его жизнедеятельности прекратились.

«Я умер».

Эта мысль давно скреблась в его мозгу и теперь наконец обрела окончательную форму. А за ней пришло безумие – пополам с невыносимым страхом.

Грант не знал, сколько это продолжалось – время утратило для него всякое значение. Могли пройти годы, а могли и секунды. Но безумие уже понемногу отступало, и вернулась способность мыслить, что, впрочем, слабо помогло – он не имел ни малейшего представления о том, где находится и что с ним случилось.

А потом мысли сменились тоской, которая, казалось, длилась целую вечность.

Его разум впал в ту же апатию, что и тело. Он висел в сплошном сером тумане, безразличный ко всему, и ждал.

II

– *Смотри! Смотри, что ты наделала! Выдернула нить.*

– Это не я! Это сделала ты, когда кричала на меня, что узор неправильный!

– Так ведь он и в самом деле негож...

Спор продолжался. Вторая сестра наклонилась вперед, собираясь высказаться, и висевшая в пустоте нить коснулась ее лица. Норна в ярости сунула ее обратно в ткань, но не вплела в узор – просто воткнула куда попало и вернулась к спору.

Серый туман и тишина внезапно сменились воплями и грохотом, и Грант понял, что падает. Лицо его ударилось о грязный деревянный пол. Оглушенный, он несколько мгновений лежал неподвижно, слыша вокруг пьяные крики, звон бьющихся бутылок, глухие удары кулаков о плоть. В глазах замерцал желтый свет, мимо с рычанием пронеслись чьи-то тени.

Почти прямо над Грантом раздался хруст, и на ноги ему рухнул человек с короткой спутанной бородой и длинными волосами. Из его растрепанной шевелюры сочилась кровь, в черепе зияла жуткая вмятина.

С трудом подавляя отвращение, Грант выскользнул из-под обмякшего бородача и присел на корточки. На него только что свалился труп, но никто не обращал на это внимания. Орущая свора была уже где-то в стороне, хотя мимо все еще пробегали люди, ныряя в толпу.

От дыма свечей, от кухонных испарений, от запахов пролитого вина и протухшей еды слезились глаза и жгло в носу, но Гранту все же удалось понять, что он находится в помещении величиной с амбар. Над головой тянулись вытесанные вручную балки, отражая шум, жар и свет, а еще выше в чаду терялась крыша. Казалось, балки покачиваются в мерцающем сиянии свечей в такт яростным воплям дерущихся.

Вопящая толпа продолжала расти, пока снова не оказалась рядом, но Грант видел лишь спины и падающие на затылки спутанные волосы. Буяны угрожающе размахивали дубинками, кинжалами и разбитыми бутылками, что-то крича кому-то находившемуся в середине толпы. На этих людях были грязные коричневые рубахи из грубой ткани вроде мешковины, не заправленные в столь же грязные штаны из шкур.

Грант выпрямился и обнаружил, что ему хватает роста заглянуть над головами в середину толпы, атаковавшей рослого мужчину, который стоял спиной к одному из поддерживавших крышу столбов. Вот он с ворчанием бросился вперед, замахиваясь длинным мечом, затем отбил опускающуюся на его голову дубину, отразил еще один удар железной палицей, которую держал в левой руке, с хрустом врезал ею же по голове обладателю дубины и снова отпрыгнул к столбу. В каждом его движении чувствовалась невероятная энергия – он нападал и отступал, наносил удары и защищался, издавая при каждом усилии короткий стон.

Гранта, однако, потрясло не столько боевое искусство, сколько облик самого бойца – лоснящиеся кожаные доспехи, словно на картинке в энциклопедии, сверкающая кольчуга, широкий прямой меч, железная палица. Он как будто сошел со страниц учебника истории раннего Средневековья. Что он здесь делает? Грант поискал глазами кинокамеру – но кровь была настоящей.

Где выход? Присев, словно загнанный зверь, Грант повернул голову. По пустой половине зала были разбросаны скамьи и столы, в плосках мерцали свечи, добавляя чада в и без того смрадный воздух. Где дверь? В дымном полумраке почти ничего не разглядеть, в ушах отдаются жуткие звуки. Где, во имя здравомыслия, хотя бы окна? Что это вообще за притон?

Грант попытался, отгородился от шумной толпы длинным столом, но дикий вой заставил его обернуться, и глазам предстал конец битвы. Воин в кожаных доспехах замешкался, и его меч врезался в дубину, застряв в дереве. Он попытался высвободить оружие, но еще одна усаженная шипами дубина ударила его в челюсть с такой силой, что голову отбросило назад. Меч от удара освободился, но поднять его воин уже не успел. Под градом обрушившихся на него со всех сторон тяжелых палиц он, шатаясь, отступил на несколько шагов от спасительной

колонны и беспомощно рухнул в сторону Гранта, который успел увидеть его остекленевшие глаза и услышать хруст костей.

Выйдя из оцепенения, Грант начал медленно отступать к выходу; при этом он не сводил глаз с толпы и нащупывал неструганые доски стола у себя за спиной. Над бесформенной грудой, еще миг назад бывшей человеком, мельтешило дубье, и Грант был только рад, что торжествующий вой победителей заглушал все другие звуки. Возможно, все это лишь дурной сон, но смерть в этом кошмаре такая же настоящая, как на любой скотобойне.

Вой смолк. Бормоча, ругаясь и ощупывая ссадины и раны, сражавшиеся начали оглядываться по сторонам. Грант продолжал пятиться, надеясь, что до его исчезновения никто не отвлечется от лежащего на полу мертвеца. Один мужчина с торжествующим видом склонился и вырвал меч из мертвой руки. Он воздел трофей к потолку, и тут ему на глаза попался чужак. Грант застыл как вкопанный, разрываясь между инстинктивным желанием бежать сломя голову и надеждой, что его примут за своего.

Увидевший его оскалил кривые зубы.

– Смерть нечестивцу! – Поставив ногу на скамью, он подался в сторону Гранта над разделявшим их столом, замахнулся мечом, который неуклюже держал двумя руками. – Кровь для Н’тиг’ты!

Грант уклонился – отступать было уже некуда. Меч вонзился на три дюйма в стол за его спиной, огромный окровавленный клинок напоминал скорее вытянутое лезвие топора – это жуткое оружие способно было разрубить человека пополам. Пока кривоzubый высвобождал меч, Грант перепрыгнул через стол и побежал; его ноги будто налились свинцом. Слыша крики и вой преследователей, он бросился в конец зала, туда, где темнее. Перед ним возник тусклый человеческий силуэт, а дальше нечто похожее на дверь. Преодолев еще несколько ярдов, Грант и в самом деле разглядел дверь – широкую, но закрытую. Стоявший перед ней, ухмыляясь, занес топор.

Грант остановился, налетев на очередной стол. Вопящие приближались, но рядом с ним оказалась лестница, прислоненная к одной из толстых балок, что поддерживали крышу. Чтобы до нее добраться, потребовалось меньше секунды. С трудом вскарабкавшись по перекладинам, он залез на поперечную балку, а затем пинком отшвырнул лестницу прямо на орущую внизу толпу.

На какое-то время он в безопасности. Народу внизу было меньше, чем показалось ему вначале, – похоже, основная толпа завывала где-то еще, преследуя очередную жертву. И тем не менее четверо не собирались отпускать его живым, яростно таращась из-под падавших на глаза лохм и крича про какое-то пятно, которое необходимо смыть с какого-то Н’тиг’ты. Те, у кого в руках были палицы, пытались бить его по ногам, но пьяно промахивались; однако ухмыляющийся верзила с мечом уже поднимал свое оружие, а еще один схватил табурет. Почувствовав болезненный удар по лодыжке, Грант понял, что оставаться здесь ему больше нельзя, и совершил поступок, на который не отважился бы еще час назад, – отпустил колонну, служившую ему опорой, побежал по неровной балке шириной меньше чем в фут.

В иных обстоятельствах он бы наверняка свалился, но сейчас падение означало смерть, и ему удалось удержаться на ногах, хотя и самому в это совершенно не верилось. Преодолев последние десять футов, тяжело дыша, Грант прислонился к центральной колонне, откуда открывался прекрасный вид на огромное, как амбар, помещение.

Небольшая группа людей в штанах из шкур сражалась с опрокинутой им лестницей, пытаясь поставить ее на место и броситься за ним в погоню. Возле гигантского очага у дальней стены сгрудились три неопрятные женщины и толстяк. Но главный источник шума находился под ногами у Гранта.

Казалось, будто вся ревущая толпа, растерзавшая до этого воина и успевшая увеличиться как минимум вдвое, напирала еще на одного мечника, стоявшего спиной к колонне, за которую цеплялся Грант. Массивные плечи и мускулистые руки едва вмещались в красные кожаные доспехи, длинный меч был как будто даже побольше того, что недавно дорогой ценой достался врагу. Тяжелая шипастая палица в левой руке воина то и дело с глухим звуком обрушивалась на дубины, кинжалы и руки противников, круша и калеча.

Энергия воина была просто феноменальной, и чем больше Грант смотрел на взмахи сверкающего меча, тем больше восхищался искусством его обладателя. Воин отражал удары и тут же делал выпады, не останавливаясь и не сбавляя темпа, когда клинок рассекал дерево, плоть и кость. Казалось, смертельную силу оружию придает не держащая его рука, но сам свист несущегося с бешеной скоростью тяжелого лезвия, опасного, как всюю крутящийся пропеллер. И нападавшие явно его боялись.

Рыча от пьяной ярости, они держались за пределами смертельного круга, пытались нанести удары издалека или швырять кинжалы и ножи, которые ударялись о металл и отлетали в сторону.

Но далеко не все были осторожны – внутри круга валялись трупы с рассеченным горлом и расколотым черепом, а из толпы, пошатываясь, то и дело выбирался очередной неудачник, стелая и держась за перебитую руку. Кто-то помогал оставшемуся без кисти товарищу перевязать кровоточащий обрубок.

Воин продолжал отбиваться, распевая песню без слов в такт пляске сверкающей стали. На глазах у Гранта он шагнул вперед и, выдохнув, ударил наотмашь – кровавое лезвие вылетело на фут за пределы круга. Наградой смельчаку стали три вопля разом. Толпа поспешно попятилась, ругаясь и толкаясь, пока не остановилась на более почтительном расстоянии. Один из нападавших корчился на полу, пытаясь остановить хлещущую из перерубленной руки кровь. Он умирал, не достойный даже удара милосердия.

Как бы стойко ни держался воин, ясно было, что вечно так продолжаться не может. Он уже тяжело дышал, и враги норовили подкрасться к нему из-за колонны. Один промах, одна ошибка – и его сомнут, набросившись со всех сторон.

Грант вдруг понял, что ему жаль рослого воина. Кровавое искусство, которое тот демонстрировал, не заслуживало того, чтобы пропасть в этом амбаре или таверне. Затем пришла мысль, что, как только воина убьют, наступит очередь самого Гранта. Лишь поющий и кружащийся в танце клинок расчищал пространство у колонны, не давая толпе прорваться к ней и сбить беглеца с его балки.

Грант вцепился в черное от копоти дерево; к горлу подступила тошнота. Что он делает в этом воплощенном кошмаре? Может, его сбила машина и все это лишь коматозный бред?

Словно в ответ на эти раздумья в грудь ему врезалась брошенная бутылка. Удар и треск рвущейся ткани были вполне реальны, как и боль в лодыжке, куда угодила дубинка. Он преисполнился тошнотворной уверенности, что даже если это действительно сон, безопаснее воспринимать происходящее как безжалостный факт. Похоже, ему грозила настоящая смерть, окончательная и бесповоротная.

Лестницу наконец прислонили к дальнему концу балки, и люди толкались возле нее, пытаясь опередить друг друга. Верзила в меховых штанах взобрался на три перекладки, но получил от другого удар по затылку табуретом и свалился. Обладатель табурета полез наверх, за ним последовали еще пятеро или шестеро. Пошатываясь, но с легкостью держась на ногах, они побежали по балке к Гранту.

Передний остановился и вскинул табурет над головой, чтобы нанести сокрушительный удар. Бежавший следом не успел остановиться и налетел на него, толкая вперед, и в то же мгновение Грант понял, что ему нужно оружие. Воспользовавшись замешательством верзилы, Грант подался вперед, схватился за ножку табурета и дернул. Потеряв равновесие, противник

с хриплым воплем полетел вниз, прямо в очерченный мечом круг. Воин небрежно махнул клинком вбок, перерезав горло упавшему, а затем поднял голову, подумав, что его атакуют сверху. Увидев стоявшего лицом к нападающим Гранта, он широко улыбнулся.

– Ого! Друг! – Он еще раз взмахнул мечом, получив в ответ проклятие и крик боли, и слегка переместился в сторону, вновь бросив взгляд на Гранта. – И как раз вовремя!

Словно двигаясь самостоятельно по некоей заранее определенной траектории, меч плавно взмыл над головой воина и перерезал сухожилия на лодыжках двоих стоявших на балке. Оба с визгом свалились в толпу. Следующий попытался отступить, но лишь вывел из равновесия остальных, которые посыпались, усугубляя всеобщее замешательство.

Толпа отступила, возомнив, что подверглась нападению сверху.

Сунув покрытую кровью палицу в петлю на поясе, воин несколькими яростными выпадами меча отогнал толпу еще дальше, а затем бросился к колонне, как будто хотел разделаться с теми, кто за ней прятался. Но там оказался лишь один, он прынул назад, налетел на скамью и упал. Укрывшись от толпы за колонной, воин рассмеялся и протянул свободную руку Гранту.

– Давай, приятель, помоги мне забраться наверх, и сматываемся отсюда.

То были первые дружеские слова, которые услышал Грант среди многоголосого кровавого рева, и внезапно происходящее обрело для него смысл. Быстро, но без паники Грант уселся на балке, ухватившись правой рукой за колонну, протянул вниз левую и ощутил, как за нее ухватила мозолистая ладонь.

Воин потянулся наверх, и Грант едва не завопил от боли – как будто руку выкручивали из суставов. Но в следующий миг рубака зацепилась рукояткой меча за балку и с легкостью взобрался на нее. Большая часть его веса, однако, пришлась на худую руку Гранта, причем он оказался даже крупнее и мускулистее, чем выглядел снизу, – как минимум триста фунтов плоти и снаряжения.

Не обращая внимания на звон и лязг летящих в него бутылок, кинжалов и прочих мелких предметов, воин убрал меч в ножны и всмотрелся в темный конец зала. Даже не оглянувшись на Гранта, он двинулся к дальней стене. Грант пошел следом, потирая натруженную руку, но вместе с тем испытывая странную радость оттого, что может теперь идти по узкой балке без малейшего страха.

Впереди виднелся ряд маленьких окон, над которыми уходила под углом в темноту почерневшая от копоти крыша. Воин постучал по стене рукояткой меча и удовлетворенно кивнул, словно нашел выход.

Дав знак Гранту подойти ближе, воин указал на стену, увешанную чем-то похожим на тугие мешки и гирлянды. Пахло прогорклой едой, и Грант понял, что неаппетитного вида предметы – скорее всего, копченое мясо и травы. Легко, словно пушинку, сняв два связанных между собой окурока, воин повесил их на шею Гранту, который оказался не готов к такому подарку и едва не упал с балки. Но воин молниеносным движением утвердил его на ногах.

Пренебрежительно фыркнув, боец рассмеялся, уперся ладонями в перекладину над головой и принялся со всей силы бить ногами в доски. Каким бы массивным и сильным ни выглядел он, Грант сперва не поверил своим глазам – даже супермен вряд ли способен несколькими пинками проделать дыру в стене здания. Однако тот продолжал бить, и вот слетела первая доска. На лекциях по архитектуре Гранту рассказывали о мошенниках, использовавших при строительстве непрочные материалы – такие же, как и эти доски, судя по звуку сделанные явно не из здоровой сухой древесины. Когда наружу улетела вторая планка, Грант предположил, что гвозди здесь заменили жевательной резинкой, и решил не забивать себе этим голову. В промежутке виднелась ночная тьма, в ней ледяной ветер кружил снежинки – мало похоже на весеннее солнце, которое он в глубине души рассчитывал увидеть. Ни секунды не колеблясь, воин глухо вздохнул, присел у края дыры и выпрыгнул наружу.

С трудом балансируя на балке, Грант глядел в темноту, не сулившую ничего хорошего. Впрочем, от нерешительности не осталось и следа, когда он получил палкой по ноге. Остаться – значит принять недостойную и крайне мучительную смерть от озверевшей толпы. Подобной участи он предпочел бы любую другую. Неверной походкой добравшись до конца балки, он неуклюже попытался присесть, как до этого воин, а потом вывалился в холодную снежную тьму.

III

Снаружи у стены намело такой сугроб, что Гранту пришлось побарахтаться в нем, прежде чем удалось выбраться.

Никогда еще он не чувствовал себя столь отвратительно. Болело все тело, покрытое синяками, свисавшие с шеи окорока казались отлитыми из свинца, одежда промокла от тающего снега, а несомые ледяным ветром снежинки больно кололи лицо.

Вокруг ничего нельзя было разглядеть – лишь тьма и холод. Где-то впереди раздался крик, и Грант заковылял на него. Снег доходил до пояса, ветер пронизывал насквозь тонкую ткань свадебного костюма. Преодолев несколько ярдов, он обнаружил нечто вроде тропы – здесь прошли люди, слегка примяв снег. Он подпрыгнул от испуга, когда за него ухватилась чья-то рука.

– Иди за мной, приятель, и не потеряй окорока, иначе перережу тебе тощее горло.

Воин двинулся вперед, прокладывая узкую канавку в глубоком снегу, и Грант поспешил следом.

На нем были черные туфли с острыми носками, дорогие, блестящие, – по крайней мере, такими они выглядели, когда Грант видел их в последний раз. Сейчас он не мог их разглядеть, зато отлично чувствовал. Они идеально подходили для танцев или свадеб, но для ходьбы по снегу совершенно не годились. Грант пробирался сквозь снежные заносы, страдая от жалости к себе.

Он хотел было попросить шедшего впереди о небольшой передышке, но в голову пришла жуткая мысль, что остановиться – значит замерзнуть насмерть, и лишь она одна вынуждала его переставлять онемевшие ноги. Грант следовал за воином, сперва рассчитывая, что тот в конце концов приведет в дом или другое теплое место – вряд ли его самого радует путешествие по адской зимней равнине, – но вскоре перестал надеяться на благополучный исход. Лишь шагал за движущейся тенью, словно она символизировала постоянно ускользающее тепло.

Небо уже светлело, вокруг проглядывали заснеженные просторы. Казалось, даже свет причинял боль его онемевшим, почти превратившимся в ледышки нервам.

В рассветных сумерках по обеим сторонам виднелись деревца. Чем дальше, тем они выше и толще, и наконец путники очутились в густом лесу, где уже не дул пронизывающий ветер, а на земле лежал лишь тонкий слой снега. Грант шел за воином в варварских доспехах, и разум постепенно оттаивал, появлялись вопросы, на которые не было ответов. Так продолжалось, пока не кончился лес, пока не осталось ничего, кроме убийственной стужи и глубокого снега.

Закрыв глаза от ветра, Грант пытался ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Они брели по какой-то колее – возможно, проложенной под снегом дороге, – а потом по поросшему деревьями склону. Воин зашагал быстрее, и Грант нагонял его, поскольку идти под уклон было легче. Дувший в спину ветер поторапливал, будто холодное копьё кололо в спину.

Впереди, в укрытой от ветра впадине, мерцал костерок. Грант впервые понял, что они наконец достигли цели своего путешествия, когда раздался хриплый окрик:

– Кто?!

Послышался скрежет извлекаемого из ножен меча.

– Акер Амен и пара окороков. Посторонитесь, лентяи! Пустите к огню!

Воин вышел к костру, Грант нетерпеливо следовал за ним. Прежде чем он успел протянуть руки к манящему теплу, человек с мечом прыгнул вперед и схватил его за перед рубашки.

– Акер, это не Бегильн! Что с ним случилось и кто этот хлюпик с мясом на шее?

Акер Амен встал у самого огня, чтобы побыстрее согреть промокшие ноги, и нахмурился:

– Бегильн дурак, и теперь он мертв. Я тоже был бы мертв, если бы не появился этот чужак, и нам вместе удалось сбежать из поганого логова. Оставь его.

Мечник отпустил Гранта, и тот без сил опустился на землю. Один из окороков плюхнулся в грязь рядом с Акером, который снял с пояса кинжал, отрезал кусок мяса и начал задумчиво жевать – вероятно, размышляя о недавней схватке. Презрительно фыркнув, он ткнул кинжалом в сторону мечника.

– Оставь его, Грайф. Послушай лучше, какая нелепая смерть постигла Бегильна. Мы сидели в кабаке и допивали третью или четвертую бутылку. Местные жители все как один грязные тупые уроды, они и на людей-то не похожи, сущие звери. Их ничто не заботит, кроме вонючего бога Н’тиг’ты – страшилища с большущим брюхом и пустой башкой, куда они кладут подношения. Там повсюду расставлены кумирчики, приходится под ноги смотреть, как бы не сшибить божка ненароком.

Грант со стоном повернулся к огню другим боком.

– В общем, сидим мы, выпиваем-закусываем. Бегильн и впрямь дурак, если не соображал, что к чему, – он ведь там уже бывал. Знаешь, что учудил? Сидел, жевал траву, а потом взял и плюнул – я даже остановить его не успел.

У Грайфа, второго воина, от удивления отпала челюсть.

– Не может быть!

– Да! – рявкнул Акер. – Он принял идола за смешную такую плевательницу. Ну и харкнул в черепушку, и тут эти изуверы в меховых штанах поднимают такой рев, что за десяток лиг слышно. Пришлось нам схватиться за мечи и подраться чуть ли не со всем проклятым селом. Бегильна прикончили, а мне удалось дать деру.

– А этот? – Грайф кивнул в сторону скорчившегося на земле Гранта. – Что ты собираешься с ним делать?

Акер отрезал еще мяса.

– Ничего я с ним делать не собираюсь. Он просто оказался рядом, вот я и захватил его с собой, чтобы тащил окорока. Мне хотелось, чтобы рука с мечом оставалась свободной. Собственно, я даже не знаю, кто он такой. – Он ткнул Гранта здоровенным, дюйма три длиной, пальцем под ребра. – Эй, ты вообще кто?

Грант с трудом открыл один глаз, пытаясь собраться с мыслями.

– Меня зовут Грант О’Рейли, я студент Колумбийского университета. Я просто... просто стоял... когда...

Он запнулся, пробуя описать, что с ним случилось, и голова снова упала на грудь. Прыцавый парень лет шестнадцати, до этого державшийся позади, метнулся вперед, крича:

– Вы слышали? Студент! Студент-маг, вот кто он такой! Я перережу ему горло, выпью кровь, заберу одежду и...

Схватив Гранта за волосы, парень закинул его голову назад и достал выдавший виды кинжал. Акер сильным пинком повалил юнца в снег.

– Ты будешь делать только то, что я тебе велю: таскать вещи и готовить еду. Оставь его в покое. Даже если это студент, он умеет драться, в отличие от тебя.

Парень попятился, шмыгая носом, потирая ягодицу и бросая зловещие взгляды на Гранта. Тот не обращал внимания – он уже засыпал.

Всю ночь в обрывках сновидений ему являлись картины бегства и сражения с толпой, в которые влеталось услышанное от Акера Амена. И постепенно, словно парализующий душу

холод, приходило понимание, что эти люди разговаривали и поступали так, словно иного образа жизни отродясь не вели и никогда не допускали возможности его существования. Каким бы образом ни оказался здесь Грант, его мир – мир денег, кондиционеров, теплых постелей, быстрых автомобилей, полиции и медицинской помощи – теперь невероятно далек, может быть, он на другом конце Галактики, и вряд ли есть шанс туда вернуться.

Воспоминания о цивилизации и комфорте, как и надежда на спасение, постепенно угасали, пока не стали казаться лишь несбыточными фантазиями.

Юнец залил костер водой, и шипение пробудило Гранта от тяжелого сна.

Снова шел снег.

Грант чувствовал себя полностью разбитым. Все мышцы страшно болели, члены онемели настолько, что он едва мог пошевелиться. Он лежал лицом к огню, а спина околела, ноги были мокры, из носа текло. Сев у дымящегося кострища, Грант попытался собраться с мыслями. Возможно, он в каком-нибудь диком уголке, на Аляске или в Гренландии. Возможно...

Обхватив руками колени и опустив на них подбородок, он уставился на изуродованные туфли. Для него это была не просто обувь, а символ, продукт цивилизации, элемент упорядоченного мира. Одна безумная ночь – и этого мира не стало, а вместе с ним исчезли безопасность и комфорт. Туфли превратились в лохмотья, сквозь которые виднелась синяя кожа – его собственная. Утерев нос рукавом пиджака, он горько всхлипнул.

Все так же падали со свинцово-серого неба белые хлопья, издавая едва слышный шелест. Грант встряхнулся, сбросив со спины снег. Вдруг стало ясно, почему погасили костер – его оставили одного.

Забыв о боли и усталости, вновь охваченный желанием выжить, он вскочил на ноги, оскальзываясь в грязной жиже. Поляна была пуста.

– Акер! – закричал Грант срывающимся от ужаса голосом. – Акер Амен! Э-э-эй!

Казалось, будто он кричит в море птичьего пуха. Обежав вокруг поляны, Грант заметил ведущие за деревья следы. Отпечатки ног были свежими, но их уже заметало. Грант пошел по следу, зная, что это его единственный шанс выжить в холодной глуши. Акер наверняка ему поможет, должен помочь. Впервые Грант понял, насколько беспомощен он сам. Если не найдет людей, к ночи он будет мертв.

Он продирался через лес, то и дело спотыкаясь и падая. Добравшись до небольшого подъема, понял, что оказался на той же колее, которая привела ночью к поляне. По склону вдаль поднимались три нечетких силуэта. Услышав его крик, люди остановились. Грант бросился к замыкавшему группу Акеру.

– Вы не можете уйти... а меня бросить! Возьмите с собой!

Акер Амен поправил пояс с мечом и равнодушно взглянул на Гранта.

– Зачем?

Грант раскрыл было рот, но не смог придумать, что сказать. Ответа на сокрушительный вопрос просто не существовало. Зачем этим людям ему помогать? Он понимал, что апеллировать к человечности или дружбе совершенно бесполезно. Здешнее общество основано на иных принципах. Мысли лихорадочно сменяли друг друга. Предложить помощь самому? В бою от него проку не будет, минувшая ночь ясно показала Амену, что воинских навыков у чужака нет. Впервые за свою двадцатипятилетнюю жизнь Гранту захотелось променять ум на силу и позабыть о том, что он цивилизованный человек.

Но пусть он и слаб, все равно может пригодиться.

– Я понесу ваши вещи...

Грант умолк, заметив, что у Акера и Грайфа, кроме оружия, ничего нет, если не считать увесистых поясных кошельков. Акер ответил на его немой вопрос, ткнув пальцем в сторону.

Пробегая мимо парня, Грант был настолько охвачен паникой, что не заметил его пошу. Теперь же он увидел гигантский тюк, увешанный котелками, мешками и свертками и увенчан-

ный краденым окороком. Этот чудовищный груз отнимал у юнца все силы; сейчас он сидел на пригорке, тяжело дышал и злобно глядел на чужака.

Носильщик в маленьком отряде уже был.

Акер Амен повернулся и двинулся дальше, но внезапно остановился, наклонив голову. В то же мгновение Грант услышал отдаленный рокот, похожий на приглушенный барабанный бой.

– Всадники! В лес! – крикнул Акер, бросаясь в кусты. Грант ошеломленно замер, оказавшись на пути Грайфа; тот столкнул его в глубокий снег и скрылся за деревьями.

Носильщик не успел покинуть дорогу до того, как появились всадники. Гранту удалось разглядеть лишь одного из них – женщину с длинными развевающимися светлыми волосами и в золоченом нагруднике, – когда они вылетели на дорогу. Издав хриплый вопль, женщина наклонилась в седле и с размаху нанесла удар мечом. Юнец упал точно подкошенный, сорвавшийся окорок полетел в одну сторону, голова убитого – в другую. Из перерубленной шеи хлынули струи густой крови, окрашивая снег в алое.

Двое воинов вновь появились на обочине, выкрикивая проклятия вслед всадникам. Издали донесся звонкий девичий смех, и ругательства зазвучали громче. Грант выбрался из холодных объятий снега, торопясь стряхнуть с себя налипший, прежде чем растает.

– Эй, ты... Грант О'Рейли! Все еще хочешь идти с нами? Нужно, чтобы кто-то тащил барахло.

Акер и Грайф расхохотались, колотя друг друга по спине. Грант счел их шутку самой безвкусной из всех возможных. И все же он с трудом скрывал облегчение и радость – смерть юнца, пусть и безвременная, давала ему единственный шанс выжить.

Он стащил ляжки с неподвижного тела, пытаясь не смотреть в полные укора глаза отрубленной головы, и уже собирался взвалить на плечи тюк и двинуться дальше, когда Акер напомнил ему, что в этом жестоком мире главное – выживание.

– Можешь забрать и его одежду. Если, конечно, не хочешь остаться в том, что на тебе.

Перебарывая брезгливость, Грант последовал совету, пока Акер Амен и Грайф ждали, прислонившись к дереву и обмениваясь замечаниями. Снегопад ослаб, а затем и вовсе прекратился, пока Грант раздевал посеревший труп, снимая шкуры, державшиеся на ремнях и шнурках, и куски грязной ткани, которую тут же отшвырнул, заметив черные точки разбегающихся вшей.

Акер Амен нетерпеливо переступил с ноги на ногу, скрипнув кожей доспехов.

– Давай быстрее.

Трудно было разобраться с замысловатыми одеяниями, но в одной большой шкуре имелся вырез посередине, а когда Грант просунул в дыру голову и опоясался кожаным ремнем, с которого свисал кинжал, получилось неплохое пончо, защищавшее от холодного ветра. Внезапный зуд дал знать, что в шкуре есть и другие обитатели, но сейчас это мало беспокоило Гранта. Почувствовав себя несколько лучше, он сел на снег и сбросил с посиневших ног раскисшие туфли, шипя от боли при каждом прикосновении, а затем обулся в неуклюжие сапоги, едва сдержав ругательство.

Сапоги оказались теплыми и на удивление мягкими внутри. Грант встал, слушая, как они поскрипывают. Он понял, что это маклаки, мягкая кожаная обувь, набитая сеном, – такую носили эскимосы. В ней было куда удобнее, чем в туфлях, хотя все равно казалось, будто демоны ада вонзают ему в ноги раскаленные иглы.

Рядом с трупом на снегу лежали тряпки разной формы и величины. Неуверенно рассмотрев их, Грант намотал одну на шею вместо шарфа, а другой, широкой посередине и узкой на концах, обвязал голову на манер женского платка. Судя по хохоту Акера и Грайфа, предмет имел иное предназначение, но, по крайней мере, он не даст замерзнуть ушам.

Акер повернулся, намереваясь идти дальше. Бросив остальные тряпки возле голого безголового тела, Грант взялся за тюк.

Тот оказался достаточно тяжелым, но решение пришло быстро. Грант встал на колени и просунул в замерзшие лямки руки, а затем стал перебирать ими по стволу молодого деревца, пока не смог полностью выпрямиться, приняв вес на ноги.

К нему вернулась способность трезво рассуждать, которой он был лишен еще полчаса назад, изнывая от стужи. Холодно было и сейчас, но он мог двигаться и думать, мороз уже не сковывал его разум, и от физических усилий становилось теплее. Грант огляделся, ища поддержки, но Акер и Грайф успели скрыться в безмолвном заснеженном лесу, оставив лишь двойную цепочку следов.

Шатаясь под объемистым грузом, но уже гораздо меньше боясь, он пошел на приглушенные голоса.

IV

Ему пока не угрожала никакая опасность, у него было свое место в отряде, работа согревала, ноги уже не так сильно болели. Впервые за все время пребывания в этом мире он почувствовал, что желудок пуст. На ходу отрезал кусок окорока и сунул в рот, который сразу же наполнился слюной. Вскоре по телу разлилась приятная сытость. Грант наелся до отвала, хотя, не будь он так голоден, окорок наверняка показался бы ему несъедобным. Никогда еще на своей памяти он не пропускал подряд три приема пищи и не тратил столько сил разом. Поэтому жесткое, плохо прокопченное мясо показалось настоящим лакомством.

Гранта несколько озадачивали его собственные ощущения. Судя по тому, что он знал о себе и о своем здоровье, сейчас он должен падать с ног от усталости или вообще умирать, а не радоваться простой возможности поесть, не наслаждаться ослепительной белизной снега. Ему говорили, что он слаб здоровьем, что следует избегать перегрузок и лишних волнений, но вряд ли больной человек смог бы вообще поднять этот чудовищный тюк. Грант поднял его, потому что перед ним стоял выбор: или нести, или распрощаться с жизнью. Каждый шаг требовал огромных усилий, но, вероятно, напряжение помогало работать мышцам, а боль объяснялась лишь их долгим бездействием.

Почему он вообще считал себя инвалидом?

Потому, что это ему внушала мать, и потому, что у него бывали приступы.

Оскальзываясь и хватаясь за кусты, он шел по следам, которые тянулись вдоль насыпи и уводили влево, вдоль русла высохшей реки.

Это русло было настоящим кошмаром для человека, не имевшего опыта хождения по зимнему лесу. Прячущиеся под снегом корни цеплялись за ноги, ветви били по лицу, сбрасывали свой груз на голову. Гранту вспоминались эпизоды из романов Купера, в которых искусные охотники бесшумно пробирались по чаще, – и как же он завидовал литературным героям, как жалел, что сам – не один из них! Вот бы ему ходить беззвучно, по-индейски, и не уступать Акеру Амену в силе!

Гладкие подошвы маклаков скользнули по склону, и Грант позорно растянулся на снегу. Пришлось искать опору, чтобы встать, и он потерял немало минут, прежде чем смог двинуться дальше. Грант О'Рейли относился к падениям и ушибам без прежнего страха за здоровье – его гнала вперед злость на собственное нетренированное, изнеженное тело. Нужно догнать Акера Амена и Грайфа, доказать им, что он вовсе не бесполезный увалень.

Но они постоянно ускользали, хотя иногда он слышал впереди голоса. Проходили часы, и Грант вспоминал, как нежно мать заботилась о нем, как просила избегать ненужных волнений и держаться подальше от других детей. Почему он ей верил?

Наверняка виной всему были припадки, лишавшие способности соображать и двигаться. Но теперь, когда все мышцы пылали огнем, когда приходилось работать на износ, он вовсе не чувствовал себя больным. Вчера он очутился на волосок от смерти, испытал страх, какого еще ни разу в жизни не испытывал, – и при этом не было приступов, не было даже просто болезненных ощущений. Более того, ему казалось, что все его чувства обострились, а разум обрел невероятную ясность. В чем же причина прежних недомоганий?

Оскальзываясь на очередном коротком спуске по речному руслу, Грант оперся о берег и тут же свалился на бок – рука ушла в снег, что засыпал кусты и придал им вид твердой почвы. И пока он лежал неподвижно, к нему как будто пришел ответ. Язва желудка в порядке вещей для деловых людей, ведущих сидячий образ жизни и часто подвергающихся стрессам. А дети куда больше нуждаются в физической активности, чем взрослые. Так что, скорее всего, причиной его болезни стала излишняя заботливость матери.

Разозленный подобными мыслями, Грант выкарабкался из кустов и, пошатываясь, вышел на яркий свет зимнего солнца. Скрежеща зубами, он двинулся по следам неуловимых Акера и Грайфа. Он докажет матери, что вполне способен стать таким же дикарем, как эти люди, и напрасно она пыталась сделать из него изнеженного, хилого белоручку.

Похоже, с горечью подумал Грант, воины слишком меня презирают, чтобы идти рядом.

Но они, конечно, знают, что носильщик плетется следом – его топот и треск ветвей слышны далеко.

Уловив хруст сучка впереди и бормотание, он прибавил шагу. Если удастся нагнать воинов, он попросит о передышке. Выбравшись из сухого русла на невысокий берег, Грант обнаружил сломанную ветку, но наверху никого не оказалось – лишь отпечатки ног. Спутники потоптались на месте, будто о чем-то споря, а затем двинулись дальше.

Грант последовал за ними. Лес стал реже, земля ровней, и теперь можно было идти быстрее, не отступаясь. Выйдя на широкую поляну, он успел увидеть двоих воинов, скрывающихся в лесу на противоположной стороне. Он попытался радостно закричать, но получился лишь слабый хрип.

Который, однако, был услышан. Из зарослей позади Гранта раздался грозный рык.

В этом рыке слышалась звериная сила, и у Гранта душа ушла в пятки. Из зверей, известных ему, ни один не мог так рычать – и не было никакого желания поближе познакомиться с такой тварью. Грант что было духу побежал через поляну. В зарослях за его спиной трещали ветки. На середине поляны он оглянулся, и это было его ошибкой. Споткнувшись, он растянулся на снегу и не смог собрать силы и подняться, даже когда зверь выскочил из леса.

На первый взгляд тварь походила на черного кенгуру, но на самом деле не имела с ним ничего общего, кроме мощных задних лап. Передние лапы, короткие и толстые, заканчивались кривыми белыми когтями. Вытянутая морда напоминала волчью, но была увенчана подвижными ушами с кисточками, как у рыси. Голова чутко поворачивалась во все стороны, пока зверь не остановил свой взгляд на Гранте. Чудовище снова рыкнуло, показав два ряда острых зубов, и атаковало.

Грант попытался вытащить кинжал, глядя на несущегося к нему по снегу зверя. Снять оружие с пояса удалось, но как отбиваться им от монстра, чьи когти длиннее этого клинка?

Покрытые черной шерстью лапы ударились оземь в шести футах от Гранта, зверь подобрался для последнего прыжка. Грант увидел крошечные зеленые глазки, стекающую с зубов на темный мех слюну.

Внезапно послышался глухой звук – как будто топор вонзился в дерево. Между глазами твари появилось оперенное красное древко. Лапы дернулись, громадное тело завалилось на бок, наполовину утонув в снегу.

Грант еще несколько мгновений ошеломленно смотрел в потускневшие глаза, затем быстро огляделся. Лес безмолвствовал, он казался совершенно безжизненным. Гранта вдруг начала бить сильнейшая дрожь – после тяжелого перехода навалилась усталость пополам с запоздалым страхом смерти. Чаша была полна неведомых черных чудовищ и несущих гибель стрел.

Грант с трудом поднялся на ноги, сражаясь с весом тюка, – отчего-то казалось, будто на плечи ему давят тяжелые лапы, – и, спотыкаясь и крича, побежал напролом через лес. Он наверняка врезался бы в дерево, если бы его не остановила чья-то сильная рука.

Он пытался вырваться, вопя от ужаса, и в конце концов освободился от ноши. Удара в лицо Грант не почувствовал, лишь осознал вдруг, что сидит на земле, а перед глазами рассеивается красный туман.

Потом он увидел стоящего над ним Акера Амена и понял, что жизни ничто не угрожает. Его, лишившегося последних сил, снова затрясло.

Сердито глядя на Гранта, Акер Амен дал ему крепкого пинка.

– Что за шум? Твои вопли, должно быть, слышали в Плачущих горах.

– Зверь, – тяжело дыша, выдавил Грант. – Никогда такого не видел. Черный, большой, с большущими когтями и длинными задними лапами. Он хотел...

Похоже, приметы чудовища были знакомы Акеру. Наполовину вытащив меч, он вгляделся в заросли.

– Проклятье! По нашему следу идет берлокот. За тобой охотится...

Побледнев, Грант поспешно отверг это предположение.

– Нет, его убила стрела... Отличный выстрел. Но я не видел, откуда она прилетела.

Он лежал на земле, давая телу отдохнуть от тяжкого бремени. Акер Амен, лесной житель, наверняка мог справиться с любым зверем. Перед глазами Гранта вдруг застыли ноги в меховой обуви, а затем донесся шепот воина:

– Какого цвета была стрела?

– Красного.

Подняв голову, Грант увидел внезапно проступивший на лбу Акера пот. Воин медленно взялся слегка дрожащей левой рукой за рукоять меча и извлек его из ножен полностью.

– Мы пришли с миром и уйдем с миром! – Его голос звучал громко и подчеркнуто спокойно. Казалось, будто Акер обращается к деревьям. – Мы не враги праведникам Алькахара, мы готовы пройти испытание.

Держа меч кончиками пальцев, Акер осторожно воткнул его в снег. Сделав вежливый жест, он отошел в сторону и прошипел Гранту:

– Поднимайся, безмозглый чужеземец! И не спеши. Очень аккуратно положи свой кинжал.

Грант подчинился, а когда поднял взгляд, увидел выходящих из-за деревьев людей.

V

Они шли со всех сторон – мужчины в черных плащах с капюшонами, у каждого длинный красный лук за спиной и пучок алых стрел за поясом. Их движения были бесшумны – громче падает осенний лист, – а лица напоминали лица мертвецов: серые, бескровные, со сверкающими в темных провалах глазами.

Грант попытался прочесть в этих глазах какие-то чувства, но если таковые и были, души их обладателей давно умерли, сгнили и высохли. Как будто он смотрел в лица мумий.

Спокойный голос Акера Амена словно развеял дурной сон:

– Я померяюсь с вами силой, а мой товарищ померяется... – Он бросил презрительный взгляд на Гранта и пробормотал: – Чем ты вообще владеешь, черт бы тебя побрал? Мечом, кинжалом, дубинкой, луком?

Грант вспомнил, что обладает навыком, который может пригодиться в этих первобытных краях. В колледже он занимался стрельбой из лука – видом спорта, который считается легким. Внезапно он услышал свой дрожащий голос:

– Пожалуй, возьму лук, если только...

– Мой товарищ померяется с вами меткостью, – громко произнес Акер. – Кто примет мой вызов?

Ответа не последовало, но вперед шагнул высокий человек в черном, снимая с плеча лук и вытаскивая из-за пояса стрелы. Он откинул капюшон и показал голову, безволосую, гладкую, с безучастным выражением лица – голова статуи с каменными глазами.

Акер сбросил на снег оружие и доспехи. Теперь он выглядел куда моложе и гибче, и Грант устыдился: ведь это, в сущности, его ровесник, а какая у него сила, какие навыки, какой жизненный опыт! Воин разминал мышцы, ощупывая противника оценивающим взглядом.

Остальные молчали, будто набрав в рот воды. В заснеженном лесу царил тишина, лишь где-то зашуршала еловая ветка, сбрасывая свое белое бремя.

Двое слегка наклонились вперед, а затем, словно жалящая змея, высокий в темном плаще метнулся к Акеру, целя растопыренными пальцами ему в лицо. Столь же молниеносно воин отбил его руку, словно отмахиваясь от насекомого, и ударил в ответ кулаком. Но выпад высокого был лишь уловкой – практически одновременно ударила другая рука, способная прикончить кого послабее. Акер охнул от боли, и его кулак скользнул по ребрам противника, развернув того в сторону. Короткий и яростный обмен ударами закончился, когда противник подсек ноги Акера. Падая, воин с кошачьей ловкостью вцепился во врага, опрокинул его и тяжело приземлился сверху.

Незнакомец в плаще сумел подняться на ноги вместе с повисшим на его спине Акером. Оба снова упали, вздымая клубы снега, и жилистые пальцы высокого потянулись через плечи Акера, ища глаза. Воин уткнулся лицом в спину противника, пряча глаза в складках капюшона, и слегка изменил позу. Мышцы его рук напряглись, рубаха начала рваться на плечах.

Несколько мгновений они лежали неподвижно, но при этом напрягали все силы. Засыпанные снегом, единоборцы напоминали мраморную скульптуру. Внезапно раздался негромкий звук, напоминавший треск сухой ветки, и Акер, тяжело дыша, поднялся на ноги, оставив на снегу бездыханное тело со сломанным позвоночником.

Грант испуганно огляделся вокруг, но зрители оставались бесстрастными, не выказывая ни скорби по погибшему товарищу, ни желания отомстить.

Неожиданно кто-то сунул в руки Гранту лук и шесть стрел. Он тупо смотрел на оружие, пока не услышал яростный шепот Акера Амена:

– Стреляй, придурок! Попади во что-нибудь маленькое. Их человеку придется стрелять так же метко.

С тяжело бьющимся сердцем Грант сунул пять стрел за пояс и положил одну на тетиву. Лук показался чересчур тяжелым и неприкладистым. Неплохо бы сделать несколько пробных выстрелов, но такой возможности, конечно же, у него не было. Руки все еще дрожали, но Грант надеялся, что сумеет натянуть тетиву. Оглядевшись, он заметил белый шрам на темном стволе высокого, похожего на дуб дерева – вполне подходящая мишень.

Тетива была очень тугой. С немалым трудом Грант оттянул ее на всю длину стрелы и отпустил – с ужасом увидев, что промахнулся на целых шесть футов.

Стрела продолжала полет, снижаясь, и ударилась о дерево десятью ярдами дальше, угодив в короткий побег и пригвоздив его единственный лист к коре. Будь это мишенью Гранта, он счел бы свой выстрел отменным, с учетом большой дистанции.

Люди в плащах повернулись, следя за полетом стрелы, и не увидели, как он вздрогнул, переживая свой промах. Уже в следующий миг постарался вести себя как ни в чем не бывало, несмотря на гневно сдвинутые брови Акера. Воин понял, чего стоит Грант как стрелок.

К Гранту подошел один из праведников Алькахара и откинул свой капюшон. Череп был гладко выбрит, бледную кожу усеивали крестообразные ранки. Они располагались на равных расстояниях, и Грант с содроганием понял, что незнакомец нанес их себе сам.

Послунив палец, праведник узнал направление ветра и расставил ноги пошире. Несколько мгновений он оценивал расстояние и мишень, затем молниеносно натянул тетиву и отпустил ее. Стрела пронеслась алым размытым пятном на фоне свинцового неба, взмыв, а затем спикировав. Она ударила в стрелу Гранта и расщепила ее пополам.

– Робин Гуд, – насмешливо пробормотал Грант, хотя у него внутренности сжимались от страха.

Теперь противнику предстояло стрелять первым, и Грант не надеялся, что ему удастся превзойти такого меткого и уверенного в себе стрелка, как этот человек с ранками на голове.

Противник наложил на тетиву новую стрелу и постоял в расслабленной позе, пока один из его товарищей что-то высматривал в низкорослом подлеске.

Кто-то выдернул стрелы из-за пояса Гранта. Обернувшись, он с удивлением обнаружил рядом Акера, который сосредоточенно разглядывал стрелы, склонив голову набок.

– Похоже, тебе дали кривые. Ну-ка, ну-ка...

Он еще ниже склонился над стрелами, и что-то блеснуло в его руке. Прикрывая одну стрелу остальными, Акер натирал ее чем-то светящимся и шептал. Грант сумел разобрать слова:

– Пусть остр твой будет глаз, попадешь ты в цель сейчас...

Выпрямившись, Акер протянул стрелу Гранту:

– Бери. Вроде эта самая прямая.

Взглянув на нее, Грант не удержался от улыбки. Варвар пытался ему помочь, как умел. Акер нацарапал на плоском металлическом наконечнике изображение глаза, покрыл его краской и даже пробормотал над ним заклинание. Крошечный зеленый глаз смотрел на Гранта в ответ.

А потом глаз медленно моргнул и посмотрел в сторону.

Грант вздрогнул и едва не выронил стрелу, с нарастающим ужасом осознавая, что древко слегка шевелится в его руке. Острые дергалось туда-сюда, словно нос взявшей след гончей.

В кустах послышался какой-то шум, и Грант перевел взгляд, радуясь возможности отвлечься. В тускло-серое небо взмыла вспугнутая стая маленьких, но жирных птиц. Противник Гранта натянул тетиву и плавно ее отпустил. Свистнула красная стрела, и одна птица рухнула наземь, пронзенная насквозь. Взгляды всех обратились к Гранту.

Как будто он и сам теперь смотрел на себя со стороны. Стрела легко улеглась на лук, который изогнулся словно по собственной воле. Грант даже не успел толком прицелиться, как его пальцы отпустили тетиву, и стрела понеслась ввысь.

Дальше произошло нечто необычайное – стрела повернулась на лету и пронзила бегущую по ветке белку. Грант потер глаза, убеждаясь, что ему не померещилось, а когда снова поднял голову, стрела торчала из ветки вместе с насаженными на нее тремя тельцами. Он победил со счетом три – один.

Послышался жуткий, нечеловеческий вопль – в нем будто слились крик раненой кошки, надрывный вой койота и трубный рев слона; ко всему этому примешивались рыдания, плач и проклятия. Люди в черных плащах выли, запрокинув головы и широко, по-звериному, разинув рты. Грант упал на колени и закрыл глаза руками, ожидая, что на него обрушится град стрел.

Вой внезапно смолк. Осторожно убрав руки от глаз, Грант увидел, что поляна опустела, лишь кое-где еще шевелились кусты. Мертвеца унесли. О присутствии праведников Алькахара

напоминали только его отчаянно бьющееся сердце и крепко сжатые в побелевших пальцах лук и стрелы.

Акер Амен тоже почувствовал ужас, которым был наполнен их последний вопль. Он вынул меч из снега и, бурно ругаясь, вытер клинок досуха. Грант подошел к брошенному тюку и без сил опустился на него. Свой поток брани Акер обрушил на Гранта:

– Безмозглый, криворукий, тупоголовый недоносок! Не учини ты суматоху с берлокотом, эти алькахарские маньяки нас вообще, может быть, не услышали бы. Мало того, из-за твоей отвратительной стрельбы мне пришлось потратить хорошее климейское заклинание! Гррр... – Ругань сменилась гневным рычанием.

Застегнув на себе доспехи, Акер собрался было уйти, но остановился, яростно глядя на Гранта, который устало и без особого энтузиазма пытался поднять тюк.

– А ну, вставай! Нужно выбраться из леса дотемна.

Акер не сказал, почему нужно, но Грант и не нуждался в объяснениях. Он уже был сыт по горло лесными приключениями. Подняв руку, в которой сжимал лук и стрелы, он вопросительно посмотрел на воина.

– Оставь себе, – буркнул Акер. – Считается, что ты их выиграл.

Грант сразу ощутил, как обретенное оружие придает ему уверенности. Он снял с лука тетиву и сунул его вместе со стрелами в тюк, после чего взвалил гигантский груз на плечи и нагнал Акера у края поляны, на ходу поправляя ношу.

Внезапно он понял, что с ними нет Грайфа, причем уже давно.

– Где Грайф? – прохрипел Грант.

– Мы были на тропе, когда я услышал твой шум и вернулся. Должно быть, он ушел вперед и ждет нас. – Затем Акер добавил, словно произнося мрачную молитву: – Если достаточно далеко ушел, он им не попадет.

Пять минут спустя за поворотом тропы они увидели Грайфа, который лежал ничком, вытянув руку и вонзив пальцы в снег, – чудовищная подушка, утыканная столь же чудовищными красными иголками. Из его спины и ног торчало не меньше двух десятков стрел.

– Дурак. Видимо, пытался бежать. – Акер обошел тело по широкой дуге, таща за собой Гранта. – Не приближайся к нему, иначе будешь выглядеть так же. Мертвецы для алькахаров – величайшая ценность, – проворчал он и добавил: – Их едят.

Едва усаженный стрелами труп скрылся из виду, Грант оперся о дерево, чтобы расстаться со съеденным недавно мясом.

VI

Они шли еще несколько часов. Акер злился и подгонял Гранта словами и пинками, но в конце концов сдался и зашагал медленнее, то и дело неслышно уходя вперед, чтобы разведать дорогу.

Уже в сумерках они приблизились к краю леса. Деревья внезапно закончились у обрыва – отвесной гранитной стены, вдоль которой нитью извивалась тропинка; в одном месте она расширялась в зеленый, поросший деревьями уступ, а затем снова сужалась. Внизу простиралась долина, покрытая полями и лугами, а вдали поднималась полоска дыма – там явно жили люди.

Акер и Грант двинулись по тропе, покинув лес праведников Алькахара.

Дорога была не столь опасной, как казалось издали, – похоже, ее проторили много веков назад, но по ней все еще можно было пройти, а на самых сложных спусках были вырублены ступени. Свежий ветер сдувал с идущих снег, и Грант сосредоточился на том, чтобы удержать равновесие, не потерять тюк и не свалиться с крутого обрыва.

На полпути вниз встретилась небольшая пещера. Ее стены были закопчены, в снегу виднелись головешки, – видимо, путники останавливались здесь нередко. Пока Грант со стоном

освобождался от клады, Акер прошел вперед, к поросшему деревьями уступу, и оттуда прилетели звуки разрубаемой древесины. Длинный меч годился для многих целей.

Стоило остановиться, как тяжело доставшееся тепло сразу же улетучилось. Грант запрыгал на месте, дую на онемевшие пальцы.

Вскоре вернулся Акер с охапкой сухих веток. Утопав небольшую площадку возле стены, где камни скрывали свет костра, он уложил хворост конусом, настрогал горку щепок и извлек из кошелька металлическую коробочку. Грант решил, что там кремень и огниво, но, к его удивлению, Акер вытряхнул на ладонь оранжевую ящерку. Вялое от холода существо медленно приподняло веко, затем, явно недовольное, снова закрыло глаз и попыталось свернуться в клубок. Акер расшевелил питомицу пальцем и придвинул к ней пучок стружки. Похоже, необычное угощение обрадовало рептилию: вновь открыв глаза, она жадно проглотила древесину. Акер отколол несколько щепок подлиннее, величиной с зубочистку.

Грант страдал от холода, не видя никакой связи между игрой с питомицей и разжиганием столь желанного огня. Ящерка, поужинав, снова вознамерилась заснуть. Акер поднес ее поближе к горке щепок и сдавил хвост. Рептилия возмущенно закатила глаза и изрыгнула огненное облачко. Акер сунул ее обратно в коробку и подул на занявшийся хворост.

Грант почувствовал, как у него отваливается челюсть. Вспомнилось, что в сказках он читал про подобное существо – мифическую ящерицу, питающуюся огнем.

– Саламандра! – пробормотал он.

– Угу, – буркнул Акер, продолжая раздувать костер. – Весьма полезная зверушка.

С заходом солнца снегопад прекратился, ветер утих. Костер шипел и трещал, отбрасывая мягкий свет на каменную стену. В животе у Гранта довольно урчало. Он выковырял кусочек хряща из зубов грязным пальцем, удивляясь своему отменному самочувствию. После тяжелейшего перехода он наслаждался отдыхом, прихлебывая кислое вино из заплесневелого кожаного бурдюка.

Открыв коробочку с саламандрой, он подразнил существо веткой. Рассерженная ящерка плюнула красным огнем, но Грант вовремя успел убрать пальцы. Чтобы успокоить ее оскорбленные чувства, предложил несколько вкусных щепочек. Ящерка с удовольствием сжевала дерево и выпустила из ноздрей струйку дыма.

Маленькая саламандра символизировала все свалившиеся на него хлопоты. По законам реальности она просто не могла существовать – как и эти странные люди с их невообразимыми обычаями, как берлокот, как магия, которую применил к стреле Акер. Либо Грант свихнулся и этот мир – лишь порождение его больного рассудка, либо его каким-то невероятным образом перенесло сюда из его собственного мира, где бы ни находилось это «здесь».

– Акер, что это за страна?

– Тер-Клосскрасс, независимое свободное государство тирана Хельбиды, Натунланд. А в чем дело – ты заблудился, что ли?

– В каком-то смысле. – Грант возобновил чистку зубов ногтем.

Названия ничего ему не говорили. Названия... Они совершенно не похоже на английские, но ведь Акер изъясняется на превосходном английском. Ну, может, и не на превосходном, а на примитивном. Возможно, в этом и кроется ключ к разгадке.

– Акер, как так получается, что ты говоришь на отменном кстилпорфе... в смысле, хиюпмерте...

Грант замолчал, утирая со лба внезапно выступивший пот. Акер, точивший меч, поднял слегка удивленный взгляд.

– Как так получается, что я говорю... на чем?

Грант очень хорошо понимал, что за вопрос ему хочется задать. Английский язык, язык наших отцов, Шекспир, литературные курсы в Колумбийском университете. Английский язык. Нужно лишь произнести помедленнее... АНГЛИЙСКИЙ!

– УЗКИННП!

– Дай-ка лучше бурдюк с вином. Похоже, тебе нужно поспать.

– Нет-нет, Акер, погоди! Ты никогда не слышал про... мою страну? Ее столица – Рти-идбкс, я живу в... – Грант этого не произносил, не хотел этого слышать. Он понял, что выговорит нечто чудовищное, нисколько не похожее на «Нью-Йорк». Что это, амнезия? Тут его осенило: а что, если это вовсе не английский? – На каком языке мы разговариваем?

– На верхненатунском, разумеется. Ты что, дурак? Или прикидываешься, будто не знаешь, как называется твой родной язык? Я же знаю, ты тут родился – у тебя нет акцента, как у меня. – Он гулко ударил себя кулаком в грудь. – Я из племени ининов. Меня украли торговцы, когда я был мальчишкой. Потом я их убил и стал свободным воином. Тогда я и научился натунскому, но акцент остался. А у тебя его нет.

Грант О’Рейли знал, что родился вовсе не здесь. Теперь он не сомневался, что «здесь» – даже не его родной мир, а какой-то совсем другой, в ином времени и пространстве. Насчет деталей он был не слишком уверен – очень уж давно читал Лавкрафта, – но эта версия казалась наиболее разумной.

Она также объясняла проблемы с языком, а вернее, отсутствие таковых. Он говорил на языке этого мира, но здесь не было его заслуги. Это как если настроить радио на другую станцию: те же лампы и прочие детали, но прием идет на другой частоте, и слова получаются тоже другие. Вот и Гранта словно перенастроили с его родного мира на этот. Лексических соответствий понятиям «английский язык» и «Нью-Йорк» здесь не существовало, лишь абстрактные представления в его мозгу. И все это здорово сбивало с толку.

От вина и тепла у него отяжелела голова. Вытащив из мешка нечто похожее на побитую молью медвежью шкуру, он закутался в нее и лег, но хотелось задать еще один вопрос. Грант поднял голову и открыл глаза.

– Акер, кто были эти люди в лесу?

Воин издал горловое рычание, словно большой кот, и сплюнул в огонь.

– Алькахарские упыри! Проклятие грязных чашоб. Они испытывают всех путников, которые попадают им в руки, и едят не выдержавших испытания. Это как-то связано с их верой. – Он снова плюнул, словно пытаясь избавиться от неприятного привкуса. – В долине они тоже есть, но завтра мы покинем их землю.

Героическим усилием воли отгоняя сон, Грант завернулся в шкуру так, что наружу торчал только нос, а затем уснул как убитый.

VII

Утром шел дождь. Его струи, сбегавшие над входом в небольшую пещеру, превращались в длинные мокрые сосульки, которые с треском отваливались, уступая голый каменный свод для следующих.

Костер погас, и камень давно остыл. Сырость пробралась сквозь ветхую шкуру, и Грант с трудом открыл глаза, увидев серое рассветное небо. Он попытался снова заснуть, но Акер услышал его шевеление, и меткий пинок угодил в самую чувствительную часть замерзшего тела.

– Встань и разведи костер.

Голос звучал приглушенно, но смысл приказа был вполне ясен. Со стоном Грант выбрался из-под шкуры, размял онемевшие конечности. Саламандра обожгла ему палец, и он в отместку прищемил ей хвост. Найдя в расщелине пещеры полено, уронил его себе на ногу

и минут десять ругался. Но все же костер наконец занялся, и Акер Амен, присев возле огня, разогрел ломоть окорока. Грант последовал его примеру, затем снова завернулся в шкуру, радуясь непогоде. О том, чтобы выходить под ледяные потоки, не могло быть и речи. Грант вдруг подумал: а если бы не дождь, смог бы он сейчас поднять тук и пойти? И тут же ответил себе: да какое там!

После завтрака Акер, напевая воинственную песню, счистил с шипов своей дубины засохшую кровь и волосы, а потом поделился некоторыми воспоминаниями о черепахах, которые это оружие сокрушило. Дождь не унимался, и Акер возился с остальным своим имуществом. Слушая связанные с ним истории, Грант решил, что жизнь свободного воина похожа на жизнь бандита. Рассказы Акера были достаточно легкомысленными, но по цивилизованным понятиям казались крайне зловещими.

Подобравшись ближе к огню, Грант плотнее закутался в шкуру. Все мышцы нещадно ныли, и хотя он сам рисковал поджариться, как тот ломоть окорока, его продолжала бить дрожь.

– Ты что, заболел? – Акер пристально посмотрел на него.

Грант отделался ложью, которую сочинил, чтобы оправдать свои неудачи, – хотя сам считал ее более чем наполовину правдой.

– Нет, просто немного не по себе. Слабость. Я... долго был в плену, растерял силы. – Он помолчал, слегка стыдясь, но в то же время радуясь уважительному вниманию Акера Амена, а потом с тревогой добавил: – Не понимаю, почему я весь дрожу. Мне не холодно.

– Кровь застоялась, – небрежно заметил Акер. – Если не будешь двигаться, к утру ооченеешь как бревно. – Усмехнувшись, он потянулся к ветке из уменьшающейся груды хвороста. – Когда сходишь за дровами, немного потренируемся с мечом.

Под протестующий скрип каждого сустава, словно у ржавой куклы, Грант выбрался из-под шкуры и отправился искать топливо. Когда он вернулся, промокший насквозь, Акер приветствовал его ударом подоженной палки и протянул другую, велел защищаться. Воин откровенно забавлялся, нанося Гранту медленные удары и глядя, как тот неуклюже пытается парировать или уклониться.

Так прошел день. Возможно, именно дождь дал Гранту шанс выжить – он шел и на следующий день, который молодой человек провел, попеременно дремля у костра, собирая дрова или слушая с раскрытым ртом добродушные повествования Акера Амена о воровстве, разбое и смерти. Шок от холода и накопившаяся за два предыдущих дня усталость постепенно отпустили, уже не была дрожь, исчезли слабость и онемение в мышцах. Он не помнил, чтобы когда-либо ел столь жадно, пытаясь заполнить мясом ненасытную пустоту в животе.

Уже на утро второго дня мышцы на его ширококостном теле начали расти, с радостью реагируя на долгожданные физические нагрузки. Ужасно хотелось есть и спать, но приходилось собирать топливо для костра и учиться рукопашному бою. Он заработал немало мелких ссадин на голове и шее под громогласный хохот Акера Амена, пока не научился отражать внезапные удары факела. Мало-помалу он осваивал приемы фехтования на мечах. Не привыкшие к подобным усилиям мускулы требовали дополнительного питания.

Вечером второго дня Грант и Акер доели окорок, закусив белкой, которую Грант подстрелил из лука. Дождь прекратился, слышалась редкая капель. Температура воздуха понижалась.

– Завтра уходим, – проворчал Акер, кладя рядом с собой меч.

После дождя на охоту могли выйти ночные хищники.

– Куда пойдем? – донесся из-под теплой шкуры приглушенный голос Гранта.

Акер поднял голову, в глазах блеснуло пламя костра.

– На войну, конечно, куда же еще? Там хорошо. Вино и кровь. Убей или умри. Ведь правда здорово?

Вряд ли он мог бы лучше выразить свою варварскую философию.

– Угу, здорово, – криво усмехнулся Грант. – Жить ради того, чтобы умереть... – И с этими словами он провалился в сон.

Костер затрещал и погас. Слышалось лишь шуршание прелой листвы на деревьях. Облака унес ветер, и на студеном зимнем небе заблистали алмазами звезды.

Утро выдалось ясное и холодное. Грант впервые встал без понукания и, зябко дрожа, развел костерок, оторвав дрова от заледеневшей поленницы. Акер сел и, напевая боевую песню, начал облачаться в доспехи и увешиваться оружием.

Грант посмотрел на Акера, упаковывая содержимое гигантского тюка. Вид орудий убийства и воспоминания о прошедших четырех днях заставили его задуматься. Едва ли стоит опять навьючивать на себя тяжелейший тюк ради того, чтобы попросту убивать или быть убитым. Если расстаться с Акером Аменом, больше не придется тащить этот груз.

Почему-то эта мысль не вдохновила – воин нравился Гранту, да, похоже, он и сам нравится воину; грубое же отношение со стороны Акера являлось по меркам его народа чем-то вроде добродушного покровительства.

Управившись со своим смертоносным арсеналом, воин затоптал костер.

– Пошли.

Грант откашлялся, стоя рядом с мешком.

– Э... Акер, я лучше попробую жить по-другому... В смысле, я не слишком хороший боец. Не гожусь тебе в помощники.

Похоже, его с таким трудом принятое решение не произвело ни малейшего впечатления на Акера. Воин просунул гигантскую руку в лямку тюка и с легкостью закинул его на плечо.

– Что ж, прекрасно, остерегайся только берлокотов. И праведников. В лесу их полно. А если выберешься из леса, не приближайся к крестьянам – они не любят чужаков. Когда ловят беднягу, сажают его в поле на большой острый кол – хорошее получается пугало.

Последние слова удалось расслышать уже с трудом – Акер быстро уходил по тропе. Грант, обладавший богатым воображением, поспешил следом. Обернувшись на его оклик, воин сбросил мешок и при этом даже не замедлил шага. Застонав про себя, Грант накиннул лямки на натруженные плечи и с удивлением обнаружил, что груз не так тяжок, как он ожидал. Возможно, причиной тому Акер, весьма рельефно описавший альтернативу совместному походу, но, скорее всего, дело в съеденном до крошки окороке. Гранту показалось, что Акер широко улыбается, хотя виден был лишь его затылок.

Извиваясь среди деревьев, тропа снова вывела их на край обрыва и пошла под уклон, в сторону зеленой долины. У последнего поворота Акер насторожился.

– Попахивает засадой. Пойду гляну, что там внизу.

Грант остановился, взяв на изготовку лук. Акер подполз к краю обрыва и долго смотрел вниз, затем вернулся и, ни слова не говоря, спустился чуть ниже по тропе, за поворот.

Сбросив со спины тюк, Грант расправил затекшие плечи. Внизу как будто ничего подзрительного, все тихо. Но Акер снова вглядывался туда, остановившись на небольшом уступе. Зевнув, Грант машинально повернул голову на какое-то движение справа – и замер, увидев выходящего из пещеры громадного берлокота.

Зверь пока не заметил людей, но Грант видел, как шевелятся его нос и усы – монстр явно принюхивался. Снизу, с тропы, долетел лязг металла. Уши прыгнули, берлокот одним прыжком перенесся на край обрыва. Акер стоял на уступе двадцатью футами ниже, широкой спиной к хищнику – легкая добыча.

Грант неслышно поднял лук, лапы зверя напряглись для прыжка. Расстояние было малым – звон тетивы и глухой удар стрелы слились в один звук. Кот взвизгнул от боли – стрела пришила его переднюю лапу к груди, когда он уже был в воздухе.

Глазам Гранта предстал прекрасный пример рефлексивных, необходимых для выживания в этом варварском мире. Едва зазвенела тетива, голова Акера резко дернулась вверх, а услышав

воплъ кота, великан в кожаных доспехах отскочил назад с мечом в руках, готовый отразить любое нападение.

Если бы кот достиг Акера, меч пронзил бы его насквозь. Однако изменить направление прыжка зверь уже не мог. Рыча, корчась и выпуская когти, он пролетел над воином, зацепился здоровой лапой за край обрыва и с пронзительным воплем сорвался. Затрещали кусты под натиском катящегося тяжелого тела.

Акер вытер рукоять меча, убрал его в ножны и посмотрел на спутника с заметным уважением.

– Неплохой выстрел, Гранто.

И, жестом позвав за собой, двинулся дальше по тропе.

Они осторожно спускались в направлении деревьев, понимая, что где-то рядом мог красться раненый кот. Снова пошел снег, и вскоре все вокруг покрылось белой пеленой. Лес закончился, путники поднялись по насыпи на разбитый колесами телег проселок, который уходил в поля мимо каменного дома с земляной крышей.

Грант с опаской смотрел на дом. Подозрения оправдались, из двери выбежали четверо бородачей, а за ними женщина. Выкрикивая ругательства, они размахивали зловещего вида цепями и косами. Грант попятился, но Акера эти люди как будто нисколько не напугали и не заинтересовали – он спокойно стоял с усталой усмешкой.

Когда орудия мужчины оказались в нескольких ярдах, он выхватил меч и издал жуткий боевой вопль. Клинок лишь раз мелькнул в воздухе, разрубив пополам цепи в руках первых двоих. Несколько мгновений селяне тупо смотрели перед собой, а потом кинулись наутек, вопя уже не грозно, а панически. Не дожидаясь, когда они укроются в доме, Акер повернулся и продолжил свой путь.

Этот инцидент снова напомнил Гранту, сколь ценно здесь искусство владения мечом. Подобрал палку, он замахивался на каждую попадавшуюся по дороге мишень, учился наносить удар с любого угла и точно попадать в цель. Такое занятие позволяло скоротать время, и он вновь ощутил, как обостряются чувства, – то ли благодаря регулярным физическим упражнениям, то ли благодаря окружающей белой равнине, которая могла таить неведомые опасности.

К полудню они остановились у замерзшего ручья и пообедали остатками хлеба, извлеченными из глубин мешка. Акер пробил во льду полынью, и они смешали в полых рогах родниковую воду с вином. Напиток бодрил и утолял жажду; вода казалась газированной и подслащенной. Грант облизнулся, даже не пытаясь понять, как такое возможно с геологической точки зрения.

VIII

Они шли по широкой долине, предпочитая держаться извивающейся дороги, а не пересекать пашни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.